

В. ШКЛОВСКИЙ

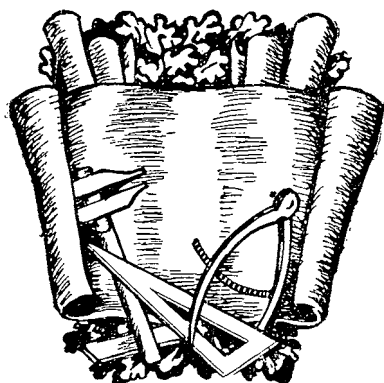
О МАСТЕРАХ СТАРИННЫХ

ДЕТГИЗ
1951

В. ШКЛОВСКИЙ

О МАСТЕРАХ СТАРИННЫХ

Р и с у н к и
Н. КУЗЬМИНА

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1951 Ленинград*

ГЛАВА 1-я,

в которой солдат Ораниенбургского батальона Яков Батищев прибывает в Тулу; с этой главы начинается повесть, действие которой будет продолжаться сто лет

В августе 1714 года подходили солдаты к Туле. Шла команда из Петербурга через Москву. В то время строился в Туле оружейный двор; кирпичи на стройке клали пленные шведы, а теперь надо было ставить во дворе машины.

Уже давно строилась Россия. Воздвигались города, плотины, мельницы, шлюзы, и все привыкли, что если и не умеют чего делать, так научатся.

Приходилось тогда петровским солдатам и сваи бить, и шлюзы ставить, и строить заводы; в 1698 году, когда готовили флот для взятия города Азова, пилили доски и строили корабли даже солдаты гвардейских Преображенского и Семеновского полков.

Шли солдаты из Петербурга в Тулу по обочинам дороги, чтобы работать в том городе неизвестно какую работу.

Вел тех солдат ефрейтор Яков Батищев, человек уже не молодой.

Тулу команда увидела с пригорка: город лежал в широкой долине, среди полосатых полей, с которых уже убирался хлеб, и осенних рыжих лесов.

На дне долины извивалась неширокая река Упа; разливаясь у плотины, Упа принимала в себя узкую темную реку Тулицу.

На том берегу Упы увидели солдаты каменный кремль. Вокруг каменного кремля — другая, старая, обветшавшая деревянная крепость, и вокруг нее — улицы, сады, огороды. Город длинный, верст на семь. А в поперечнике — версты три с половиной.

Батищев повел солдат на постой. Разместил он людей и пошел относить пакет стольнику^{*1} Чулкову, строителю нового города.

Солдат шел неторопливой походкой, смотря по сторонам. Строения в городе деревянные, дома стоят вольно. Здесь кто как хочет, так и строит.

Дубовый тын старой крепости местами обвалился, и из него как будто вытекли на волю струи каштанников, полных сине-зелеными тугими кочинами.

У стен каменного кремля толпится и шумит народ; рядом с большой церковью достраивается колокольня.

Народ здесь здоровый, крепкий. Многие в суконных кафтанах и в сапогах, мужики в лаптях и черных юнучах. Городские женщины белятся, румянятся, ходят в кокошниках, покрытых белой кисеей.

По Туле идет Яков Батищев. Усы у него черные, насурмленные, поверх зеленого кафтана надета алая епанча*, шляпа на голове солдата касторовая.

Идет Батищев — бывалый человек, русский солдат, который и с турками воевал, и море теплое видел, и видел спины бегущих шведов. Идет Батищев, печатает землю крепкими ногами в штаблях так, чтобы видели все мужики и бабы, как ходит бравый русский ефрейтор.

Яков Батищев не сразу пошел к стольнику Чулкову Клементию Матвеевичу, а сперва пошел посмотреть завод.

Завод стоял на берегу реки, загородившись от разлива высокой плотинной.

Около плотины из дубовых бревен срублен трехэтажный амбар; стены еще не забраны целиком бревнами, видны какие-то колеса, валы.

Тут долго стоял Батищев. Он стоял так долго, что девушка с русыми косами засмотрелась на солдата.

¹ Объяснения слов, помеченных звездочкой, см. в конце книги.

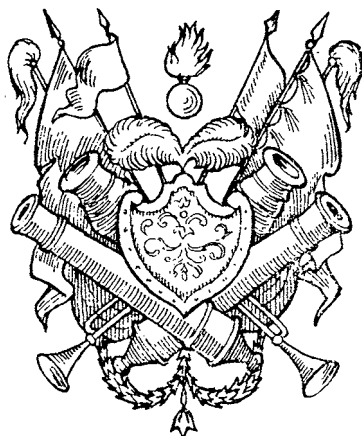
Очнулся Батищев, отдал честь ударом руки по касторовой шляпе и спросил:

— Как тебя зовут, красавица?

— Если бы у тебя ко мне дело было, ты бы не на бревна смотрел, солдат.

— Дело у меня к стольнику, Клементию Чулкову.

— А вот он, на кирпичиках сидит, работой людей нудит. Умер старый мастер Марк Красильников, и без него люди работают не по-толковому и что к чему не знают. Бьет каждый день Чулков по десять человек батогами без ума.

ГЛАВА 2-я,

*в которой ефрейтор Яков Батищев берется сделать дело,
для других немислимое*

Клементий Матвеевич Чулков был человеком еще не старым, рода хорошего, но в чины Петр его не произвел и оставил при звании стольника, назначив начальником Тульского оружейного завода. Стольник сидел озабоченно на кирпичках, похлопывал рукою по пыльным русским сапогам, смотрел на обтрепанные и известкой запачканные полы французского кафтана и думал печально: «Я ли о деле не забочусь, а от царя все письма с бранью!» Тут он услышал мерный солдатский шаг и увидел смуглое лицо и черные усы Батищева.

Солдат, отдавая честь, протягивал левой рукой пакет, перевязанный вошеной ниткой, скрепленной печатью.

«Вот она, моя погибель!» подумал Чулков, беря пакет.

Стольник знал хорошо: пакеты с указами из Петербурга всегда грозные.

Батищев стоял перед ним твердый и бодрый. Чулков осмотрел пакет, прочел указ, раз и два, и произнес вслух:

— Так и есть: царь приказывает с бранью построить машину, и чтоб делала она ружейные стволы против ручной работы вдвое.

Ефрейтор стоял вытянувшись.

— Какие еще новости и указы? — спросил Чулков.

Ефрейтор стал вольнее и ответил:

— Указов много: деньги золотые бьют новым манером; из Сената велено подьячих * брать на службу в войска — делать из них писарей да унтер-офицеров.

— А повеселей вестей нет?

— Из Италии в Питер корабли для торгу пришли, — сказал Батищев и сложил руки за спиной по-вольному, как будто зная, что делается на душе у стольника Чулкова.

— А еще что?

— Велено по разным местам собрать дворянских добрых семей тысячу, и купеческих полтысячи, да тысячу работных для поселения на острове Котлине, против Санкт-Петербурга, в новом городе Кронштадте.

Чулков встал, обошел Батищева и положил ему руку на плечо.

— Слушай, служивый, — сказал он, — всюду вы ходите, за все вы беретесь, шведов бьете — может, скажешь, что мне делать? Сейчас солдат первый человек: все видел, все приказы слышал.

— Наше дело солдатское: спросят — ответим.

— Так... Вот смотри: строить мне предписано водяные колеса и от них привода на точила для точенья ножей и палашей * да на станки для сверления ружейных стволов. Спрос будет с меня. Строить взялся у меня сын посадского человека Марк Красильников. Строить начал, но в лето помер.

— То беда, начальник.

— Статочное ли дело — с голого места брать! Неграмотного книгу заставляют читать!.. Я разве людей не бью? Бью!

— Про то слышали.

— А машины кто построит? Разум-то у кого в голове есть? Мне вкору в Упу прыгать! Некому строить.

— Я построю, — ответил Батищев. — Прикажете на песке нарисовать, как построю. Наша рота, почитай что, саперная.

— Да ты ополоумел? Коли ты возьмешься, ты и отвечать будешь. Я с тебя спрошу. Только я человек добрый: я не слышал твоих пустых слов. Побью тебя батоном и отпущу.

— Я построю, — повторил Батищев.

— До чего народ размахался! — молвил стольник. — Видно, мне счастье послано по родительским молитвам. Ты сам хоть мельник?

— Был и мельником.

— Ладно. Доложу, что нашелся такой дерзкий человек. Откуда ты такой бешеный?

— Из Ораниенбургского имени светлейшего князя Меншикова батальона, — сказал, улынувшись, Батищев.

— Да ты, никак, и беззубый?

— Я зубы на службе съел, — ответил Батищев.

— Ну, рассказывай, откуда ты взялся. Мне о тебе князю Волконскому надо будет докладывать.

ГЛАВА 3-я,

в которой Яков Батищев рассказывает о том, как строил он корабли, сражался с турками, грел на галерах и бил шведа под Полтавой

Я почти что здешний, из Венева. Место у нас лесистое, и стоит у нас со времени царя Ивана Грозного засека *. Правый бок в нашей засеке сошелся с тульской засекой. Повалены в засеке не до конца подрубленные деревья, поросли они молодняком, и татарину набеглому через них не проскочить.

— Проскакивали, — сказал стольник.

— Я из чернососных крестьян *. Служил по плотничьему делу. Срубил заповедный дуб — делать целя для мельничных колес. То делать можно, но сказали про меня, что срубил я дуб на дрова, а то запретно. Судили меня и вместо смерти послали на царскую его величества службу. Строили мы для государя нашего корабли у Воронежа. Шел нынешнего счета 1696 год. Лес на доски надо перетирать, а он сырой, мерзлый. Придумал я тут на одной речке запруду, поднял воду, пустил на колеса, пристроил к колесу пилы, и начали у нас пилы пилить по шести враз. А бревна на пилы тянул я грузом, а не руками. Пилили мы так бревна, а по стройкам ходит царь — шапка на нем калмыцкая, из белой овчины, надет на нем красный кафтан на соболях. Темными глазами он смотрит, усами шевелит, — все ему кланяются, а никто остановиться не смеет, чтобы не спросил царь: какое у тебя такое дело, что ты медлить можешь?

— Царя я знаю сам хорошо, — сказал стольник Чулков. — Ты меня царем не пугай, время не тяни, говори про дело прямо.

— Пилили мы лес, рубили корабли, и как весна пришла — подняла она корабли водою, и поплыли мы вниз караваном, а на переднем судне — царь Петр Алексеевич у руля. Хоть и молод он был, а где мель и где глубь, понимает.

— И все-то ему нужно!.. Это я ему в почет говорю.

— Подошли мы к Азову, подсыпали к его стене вал, сражались в разных боях с турками, только немцы-командиры в бою были застенчивы, и где у нас удача была, они подмоги не посылали, и тем случаем попал я в плен.

— Без тебя Азов взяли?

— Без меня. Меня турки заковали и посадили в галерное нутро* у короткого весла, и дуло на меня из дыры весельной то теплом, то холодом. Кормили меня бобами недоваренными. Прознали раз турки, что я плотничье дело знаю, сняли с меня кандалы. Начал я ходить по галере, конопатку править, борты чинить, и увидел тут я небо и волны, короткие, крутые. А на берегу город многобашенный. Турки его зовут Стамбул, а по-нашему, по-правильному, зовется Царьград. Отняли его турки у христиан. Плыл я дальше, и раз сломался у нашей галеры руль о камень. Было то в великую бурю. Спустили меня турки на веревке руль чинить. Я смотрю — галера наша качается, скрипит, кругом камни, на камнях волны. Руль еще держится, а меня волны так о борт и бьют. Сказал я сам себе: «Где наше не пропадало!» Подрубил руль, перерубил веревку, и понесло меня к берегу и било белой волной о черный камень. Что стало с галерой, стольник, я не знаю. Вынесло меня на берег. Вижу я — там люди ходят, говорят они вроде как по-нашему, только не совсем. Зовутся сербами. Одели они меня, накормили. И пошел я через разные славянские земли на нашу границу. Здесь объявился я стольнику Грибоедову. Надели на меня снова зеленый кафтан и красную епанчу. Шведов я колол под Полтавой и видел, как те шведы бежали. И на острове Котлине для крепости Кронштадт свай бил. И на шведов ходил на галерах под русским, белым с синим крестом, флагом. Видел я, как Москва веселилась с победой, костры жгла. И была выставлена на московской площади шведского короля шпага, и над ней надпись: «Побежден лучшим оружием».

— А ты прамотный?

— Как же, батюшка стольник, и читаю и пишу.

— Хорошо тогда было в Москве?

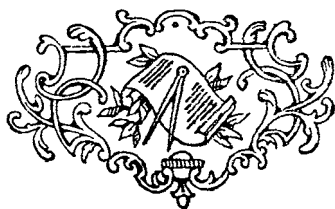
— Колокола звонят, ружья стреляют, по снегу на санях малые жораблы едут, и на них поднимают мальчишки в матросской одежде паруса. Мы идем, перед нами бредут пленные шведы. Колокола друг друга перезванивают. Я иду и думаю: много еще нам, Батищев, воевать; ушел Карл к туркам, и на море у шведов

силы много, и Петербург стоит у нашего государства с краю. Значит, надо учиться делать оружие. Не только дерево пилить, а и железо сверлить, сверлить сразу помногу, чтобы мастер только подкладывал. Думал я много и придумал, а царю доложить не решился: ходит он грозно и так широко, что полы кафтана на нем разлетаются, и видно — подбиты они темным соболем.

— А меня ты не боишься?

— Не гораздо, стольник: ты сам царя боишься и меня до времени побережешь.

— Ну ладно: строй свою снасть. Жалую я тебе за твои рассказы и удасть рупь собственных денег, чтобы не было у тебя, пока ты строишь, никакой нужды.

ГЛАВА 4-я,

в которой рассказывается о работе и о спорах

Батищев жил в Туле на заводской стороне, в доме оружейника Леонтьева. Здесь он сам себе стряпал, помогал хозяйке в работе, рубил с хозяйкой вместе капусту. Познакомился с ее дочкой, той самой девушкой, которую он увидел у плотины в первый день. Звали девушку Таней. Батищев видел ее редко: бывал он или на заводе, или сидел неотрывно в горнице и делал модель своих станков.

У плотины должны были строить новый амбар.

На модели Батищева в нижнем этаже амбара от водяного колеса шли горизонтальные валы, которые крутили три сухих колеса. Те сухие колеса вращали каждое по девять сверл и сверлили девять стволов, которые подвигались к сверлам с помощью груза.

Тут же работали точила для штыков.

Во второй этаж вели три вертикальных вала. Они через цилиндро-коническую передачу, самим Батищевым выдуманную, вращали еще три станка. Каждый станок сверлил четыре ствола.

Цилиндро-коническая передача потом нигде не применялась и была патентована в Америке лишь через двести двадцать лет.

Верхний ярус амбара отводился под кладовые.

Ниже по течению реки должен был стоять второй амбар, двухэтажный, крытый тесом; в нем — большое нижнебойное колесо с шириной лопаток в три аршина и высотой в четыре. Работать будет колесо той водой, которая уже ударяла сверху на лопасти первых колес.

В нижнем этаже на модели стволы протирались изнутри после сверления напильниками, а в верхнем — стволы обелялись с наружной стороны, то-есть обрабатывались широкими, автоматически работающими напильниками.

Это был прообраз нынешних заводов-автоматов.

Станки Батищева были первыми станками, обрабатывающими сразу много деталей вместе.

В комнате у Батищева стояла как бы игрушка, в которой весь завод был показан в малом виде.

По воскресеньям ходил Батищев с Таней по большой дороге на юг. Доходили они вместе до Ясной Поляны, что у Малиновой засеки. Там в Тулицу впадала небольшая речка. На берегу стояли разрушенные домницы, кругом их рос малинник, в малинике пели соловьи.

В Туле к новому амбару на берегу реки Упы возили дубовые бревна и брусья. В амбар сторонних людей не пускали; только слышно было, как в нем пилят, сверлят, строгают.

Машина по модели Батищева строилась всю зиму. Пришла новая весна. Кузнецы, которые должны были помогать Батищеву, работу задерживали. Батищев ссорился с ними.

Хозяин Батищева, Леонтьев Козьма Константинович, косился на него.

Мастер Леонтьев дома ходил в тулупе, в опорках, надетых на черные онучи, хотя работало на него немало людей из посадских ружейников и был он не последним мастером в Туле. Ружейники сваривали стволы ночью, чтоб лучше видно было в темноте, где не проварилось раскаленное железо. Обтачивали ружейные стволы напильниками, потом протирали их изнутри.

Подходил Леонтьев к батищевской игрушке: вертится водяное колесо, вертятся колесики, зубцы колесиков крутят оси. Стоячие деревянные валы передают движение наверх. От того же водяного колеса работают пилы, которые обтачивают ствольные грани. Специальная снасть протирает стволы, протягивая через них мелко насеченные напильники. Похоже, что работает батищевская машина сразу за сто человек.

Когда Батищев уходил на завод, Леонтьев часто пальцем крутил колесики. Маленькие оружейные стволы целым строем надвигались на сверла.

«Новое дело придумал солдат... И не будет ли от того дела мастерам беда? Почему оружейник живет лучше крестьянина и посадского? Потому, что оружейному делу человека обучать трудно и долго. А тут будет работать за оружейника машина, а подавать ей работу и ребята могут».

Шло время. Игрушка на батищевском столе работала хорошо. Амбары у плотины построили. Но локовки для батищев-

ских станков казенные кузнецы сдавали не в срок, а то, что сдавали, к машине не подходило.

Стал солдат сумрачен. К амбарам людей перестал пускать.

Но вот стал солдат приходить домой веселым. Раз Леонтьев не выдержал и спросил солдата:

— А ты, солдат, не даром ли стараешься?

— Видел я, — ответил Батищев, — дальние горы, на которых и летом снег, видел я дальние леса, на которых и зимой листья, видел я теплые моря, на которых и зимой льду нет, но не видел я мест лучше наших и другого народа, который был бы нашего умней и бойчей. Работаю я, мастер, не для временной пользы, а ради русской славы, чтобы били мы врагов, сами проливая малую кровь.

— Те сказки, солдат, я знаю, а о соловьях разговор будет после.

— Я сам давно с тобой хочу говорить.

— Слушай, Яков, — сказал Леонтьев, садясь на лавку. — Стар ты несколько, можешь ты получить чистую отставку. Признаться перед господином стольником, что дело не выходит. Побьет тебя, конечно, но не досмерти, потому что деньги я за тебя, что на работу издержаны, отдам, хоть и не все. А юнасть твою мы с тобой потом построим где-нибудь на речке подальше, в малом виде. Пускай сверлит она ну два, ну три ствола. Забогатеет, и я за тебя дочку отдам, ничего, что ты и не оружейник и собсю староват.

— Нельзя, мастер. Ты человек немолодой, но не видел, как ходят наши солдаты в зеленых кафтанах в штыки и как достается победа. Я на тебя, мастер, работать не буду, я человек служивый: служу государственному делу.

— Слушай, солдат, я с тобой хотел добром говорить, но коли так — я на тебя донесу, что ты в противность царскому указу, в горнице запершись, писал. А ты знаешь — за это кнут!

— А доноси! Я тебе покажу, что писал, — ты ведь тоже грамотный. Смотри.

Мастер нагнулся к столу и прочел на синеватой бумаге донесение, написанное крупными хвостатыми буквами. Начиналось оно так: «В прошлом, 1714 году по моему прошению, по твоему государеву указу велено было мне на Туле, на реке Упе, построить водяные оружейные заводы для обтирания и сверления ство-

лов к прибыли казне, и ныне те оружейные водяные заводы сделал я и поставил на ход, и ныне на тех заводах вода стволы сверлит, и прибыли от того государевой казне три алтына да две деньги от ствола».

— И когда же ты успел, и какая тебе иродова душа помогла! Ведь был уговор у хозяев тебе не помогать!

— Помогли мне, Леонтьев, твои же работники да посадские кузнецы, что на вас работают и зовут вас съедугами. Справился я с ними, и будут мои станки делать, может статься, сто тысяч стволов, и с каждого ствола чуть ли не четыре алтына будет государству прибыли, потому что мы к станкам тем привыкнем.

— Эх ты, пропащая душа! — сказал Леонтьев. — Какими ты деньгами бросаешься! Ведь таких стволов тыщи! Бездонные твои карманы, просяная твоя душа!

— Мастер, — сказал Батищев, — а сегодня я буду те стволы опробовать и тебя зову.

— Может, разорвуться! — сказал мастер. — Ты постой... Порох, он строгий, а мы на пробе стволы вдвойне заряжаем.

Леонтьев скинул тулуп, опорки, натянул козловые сапоги, надел синий кафтан, подпоясался праздничным кожаным поясом с серебряным убором.

— И хоть бы ты оружейником был или, пускай, кузнецом. Ну, скажи мне на милость, можешь ли ты мне сам хоть подкову отковать?

— Не смогу.

— Идем! — сказал Леонтьев солдату. — Значит, и сделано и доложено. Крику ты наделал много. Внуки тебя будут помнить.

— Ну, пускай помнят.

— А ты что получишь? Ты офицером станешь или начнут тебя почитать, как немецкого мастера?

— Офицером не стану, а немцев у нас и в самом деле слишком уважать привыкли.

— А вот ты людей беспокоишь!..

Отделанные стволы пробовали за городом, в огороженном поле. К каменной стенке присыпан был мокрый песок, против стенки на брусках с углублениями лежали стволы рядами. Стволы заряжали черным порохом и двумя пулями.

Батищев снял шляпу, поправил усы, вздохнул и аккуратно насыпал дорожку мимо всех затравок; черная блестящая поро-

ховая дорожка легла чуть измясь: видно, солдатская рука немножго дрожала.

Батищев надел шляпу, вырубил из кремня искру, раздул трут, сам себе скомандовал: «Огонь!», зажег порох и быстро отбежал.

Огонь, бледный при свете солнца, побежал мимо стволов, слабо блестя, как будто огрызаясь и подмигивая. Не сразу грохнули ружья, но трескотня разрывов скоро слилась в грозу; пули, визжа, зарывались в песок.

Отгремели выстрелы. Леонтьев подошел к стволам, посмотрел — не разорвало ли где-нибудь их, не раздуло ли.

— Сделано без плутовства, — сказал он. — Можно твои стволы орлом метить.

— Значит, хорошо, хозяин? — спросил Батищев.

— Как для кого! — ответил Леонтьев. — Мы без тебя жили, богатели понемножку работой своей.

— Не все же ты сам работал, Леонтьев.

— Как это — не я?!

— Да, не ты один: работаешь ты с захребетниками — с помощниками-батраками.

— Ну что ж, и я их в харчах не утесняю. Я хлеб ем — им хлеб даю, мне квас — им квас, и мясо с ними вместе из щей таскал. А теперь пойдут они и заплачут: вместо них машина будет работать.

— А у тебя не плакали!.. А вот теперь все вровень работать будут.

— Я вровень?.. Так я каждую вещь, что из железа сделать можно, сделаю. Я на твою снасть смотреть не могу!

— А она тебя перегонит.

— Вот меня уже солдат железнному делу учит! Мы ведь знаем, как на заводах работают.

— Так при моей снасти оружейникам легче будет работать.

— Не мила будет та работа. Работали в Туле Леонтьевы, Сурнины, Дмитриевы, Борзые, Ануфьевы. Все дело было при нас, а ты нам дело портишь. Пойдем мы работать вровень с неучеными!

— Работа будет разная. Умельцы понадобятся высокие. Будет у вас войско грозное, большое!

— Воды на всех нехватит.

— Ветер будет вертеть машины.

— Про ветер — это уж пустое. А жили мы без тебя неплохо

хо и ружья делали лучше, чем немцы. Вот Демидов из деревни Павшино, когда здесь царский чиновник Шафиров приезжал к царю, тому Шафирову пистолет чинил. Принес. Шафиров посмотрел и стал царя будить: «Смотрите, ваше императорское величество, какая высокая починка!» А царь ему говорит: «А мне не починка надобна, а нужны мне новые ружья, да пистолеты, да фузеи *, чтоб не хуже были иноземных». Все же встал, идет нечесанный, смотрит, говорит: «Починка хороша, а вещь лучше: видно, как исхитрились в работе иностранные люди». А Никита говорит ему смело, как я тебе: «Мы можем сделать не хуже». А царь ему сейчас же по щеке и упрекает: «Ты сперва сделай, а потом хвастай». Никита к кулачному бою был привычный, не пошатнулся и говорит ему тихонечко: «А ты сперва посмотри, а потом дерись. Я твой пистоль подменил, хочу его еще опробовать — какая сталь. Твой пистоль у меня лежит, а этот весь моей выработки». Тут царь ахнул на великое мастерство, и пошел у них разный разговор. С тех пор начал Демидов делать фузеи по рублю восемьдесят копеек, а до того покупали их за границей по двенадцати рублей. Ушел от нас Демидов вот уже боле десяти лет, потому что нет здесь для столь большого дела угла. Ушел он на Невьянский завод, что на Урале. Остались в Туле одни его малые заведения. Кует он ружья, и льет пушки, и тянет проволоку, и льет и точит. Вот бы ты к нему... Он бы тебя определил к делу, а мы бы остались работать по мелкости. Ушел он к доброму уральскому железу, к великим уральским лесам. Я его не браню, и на богатство его у меня зависти нет. Мы тебе любя говорим: уезжай ты от наших мест подальше.

— А я хотел у тебя дочку сватать.

— Дочку?.. Ты ее имя забудь. У нас девушки поют:

Я ружейную родню
До пристрастия люблю.
За себя замуж возьму,
Поделую, обойму.

— Демидов-то тоже с машинами работает, — сказал Батищев.

— Демидов-то ведь на себя работает — завод у него собственный. А ты какой секрет из рук выпустил, казне отдал! Пропавший ты человек!

— Не ругайся, хозяин, я хочу у тебя дочку сватать. Меня

сержантом сделают, жалованье мне будет четыре рубля в месяц и провианту против солдата вдвое.

— Слушай, Яша, хлеб мы с тобой вместе ели, и скажу я тебе подобра: уезжай ты, Яков, а Таня у меня уж за Сурнина просватана — за настоящего мастера.

— А она мне слово дала!

— Ну, ее слово девичье... Уезжай! Мне тебя жалко, потому что ты все-таки солдат. Уезжай ты, милый человек, и сюда не пиши... А я тебя, Яшка, ведь полюбил, ты бы у нас, Яшка, первым человеком был! А ты вот какую глупость сделал — сразу все в казну и объявил. Ты, Яшка, за рупь гору продал...

— Не за рупь — за пользу, за славу!

— Ну, прощай.

— Нехорошие слова говоришь, хозяин! Неужели у тебя к новому делу любопытства нет и дальше своего куска ты ничего не видишь? Жизнь мою ты ломаешь и затею мою сердечную — новую снасть — тоже хочешь поломать. Ведь уезжаю я, зовут меня в Питер на новую службу!

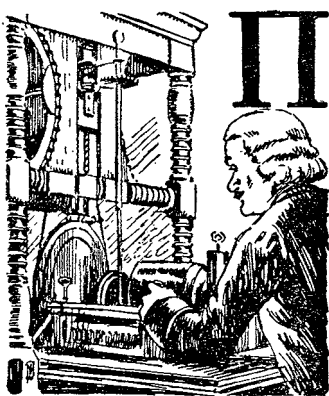
— Снасти мы твоей не ломаем: уж больно хитра. Да и то: ломаешь — беды не оберешься. Пускай стоит себе в сторонке для редкости. Только от дочки отступись.

— Не отказываюсь я от Тани, хозяин.

ГЛАВА 5-я,

в которой рассказывается о том, как сержант понтонной роты Яков Батищев давал царскому токарю Андрею Нартову совет, и о том, как этот совет не был принят

Палаты оружейного двора в Туле начали строить и закончили в 1718 году.

Последовал указ о переводе туда всех оружейников. Мастеров с учениками оказалось более тысячи человек, и помещений для них не хватило. Так получилось потому, что Батищев предлагал строить помещения двухэтажные, а построены они были, по совету Леонтьева, одноэтажными. Разрешено было оружейникам работать попрежнему в домах своих. Станки Батищева использованы были для доделки приносимых стволов.

Сохранились сведения о том, что Батищев и дальше ссорился с Леонтьевым и с другими тульскими кузнецами, но все же женился Батищев в Туле на Леонтьевой, и посейчас в Туле много живет Батищевых, их потомков.

Уехал Батищев с Таней в город Петербург. Там, где круто поворачивает холодная река Нева, впадает в нее речка Охта. Построили здесь слободу плотников, перевезенных в Петербург.

Война не кончилась. Ходили русские войска на Выборг, ходили суда, лодки и галеры через залив на Швецию: пороху нужно было еще очень много.

Сержант Батищев запрудил речку Охту и здесь, около запруды, построил казенный пороховой завод. Воды хватало, и та же мельница пилила лес на доски. Здесь же хотел построить Батищев еще молотовую кузницу, отнеся ее от пороха подалее.

Город весь пахнул свежим деревом. Летом к Охте, к порослям на вырубленных лесах, выходили из рощи пасться лоси.

Батищев строил лафеты, ходил советоваться с Нартовым Андреем Константиновичем, царским токарем. Ссорился Батищев с иностранцем Рыцем и иностранцем Эком. Были эти инжене-

ры приглашены на большое жалованье, но с делом не справились и новостей в технике боялись.

Как ни уговаривала Таня мужа не ссориться, но Батищев ссорился, предлагал свои проекты и даже начинал осуществлять их самовольно, за что неоднократно подвергался взысканию, но все же не устал строить.

Тревожен был Батищев.

Белая ночь лежала над домами и рощами Петербурга. Слабо зеленели деревья. Нева блестела, серо-голубая. Был май 1720 года.

В летнем доме царя Петра на реке Фонтанке зажгли огонь. При свечах работал Андрей Константинович Нартов. Человек он был еще не старый: ему еще и сорока лет не исполнилось. Одет он был в черный кафтан из русского сукна, в башмаки из грубой кожи, но с серебряными пряжками. На голове носил парик с короткими волосами, щеки тщательно брил, усы подстригал, как у царя, и походил он на отдохнувшего петровского солдата.

Комната вся заставлена токарными станками. Всего разных станков было десять, из них шесть — русской работы. Нартов стоял у самого большого станка с дубовой резной станиной. Вытачивалась на станке крохотная модель орудия.

В то время во всем мире, работая на токарном станке, мастер держал резец в руке, подводя его к обрабатываемому предмету. Для того чтобы рука у токаря не дрожала, рядом с токарным станком устраивали для руки подручник.

Не так был устроен нартовский станок. У него резец был закреплен в суппорте* и мог подаваться автоматически.

Закрепленный резец был еще на одном станке — во Франции, у герцога Орлеанского, который считал себя токарем-любителем. Заведен был тот станок после нартовского пребывания в Париже. Но у Нартова на стенке суппорт, кроме того, передвигался автоматически во время обработки. Этого в мире нигде не было. Нартов станок свой переделывал неоднократно.

Дрожал пол в токарной, чуть звенели стекла в дубовых рамах. Сам токарь был беспокоен, хотя работа шла хорошо.

— Уйди, говорю, тульская твоя душа! — ворчал он, обращаясь к Батищеву.

Батищев стоял в углу. На нем был кафтан из солдатского

сукна, чисто вытертые штиблеты. Черные усы Батищева уже давно стали седыми, но глаза смотрели попрежнему упрямо.

— Не уйду! — ответил Батищев.

— Хоть бы ты жены слушался! Пускаю я тебя к себе, как настоящего человека, зная твое прилежание, станок тебе показываю... Ну и уйди. Что, на иностранцев хочешь опять жаловаться?

Батищев смотрел на станок.

— Желаю доложить государю самонужнейшее дело, — ответил он: — о том, что на твоих станках точить можно не украшения разные, а части машинные — блоки и ружейные стволы.

— Я же станок измыслил, я и знаю, что на нем точить, и не твоего разума это дело! — ответил Нартов. — На мою придумку в Париже удивлялись. Но инструмент это царский, чтобы царь мог, пока точит, хоть с вице-канцлером Шафировым разговаривать. Ему некогда резец держать.

— Придумано ладно, Андрей Константинович, но можно этими станками работать всюду. Я вот измыслил станки в Туле, и работают они ежедневно. Ты бы царю доложил. Вот царь велел пушки и ядра делать по строгим размерам, чтобы не надо было во время боя заряд подбирать к орудиям. Пора, Андрей Константинович, на твоих станках всякую работу работать.

— В мире этого нет, Батищев. Рабочий человек сам резец держать умеет. Мои станки — для царской работы... А может, и в самом деле доложить?.. Занятное получится дело!

— Андрей Константинович, я на колени стану! Доложи царю! Царь ведь сам говорит, что мир могут дать только мячи чугунные. Пушек, значит, царю надо много.

— Мир близок, Батищев.

— Все равно ружья нужны да железо разное корабельное.

— Отстань! Не твое это мужичье дело! Столько вещей в мире и не надобно, сколько их на моем станке сделать можно.

— А я бы к твоим станкам, — ответил Батищев, — водяной привод сделал у себя на Охте, пушки начал бы сверлить из целых болванок.

— Разве доложить государю?..

Нартов посмотрел в окно. Догорали облака в небе.

По набережной шел высокий человек. Надеты на нем были камышковая шапка белой овчинной шерстью наружу и красный кафтан. Человек шел размашисто, ступая большими ногами в

самоедских сапогах на сырые щепки. Полы кафтана отпахивались при каждом шаге, и видно было, что они подбиты соболем.

Человек был высок, имел круглое смугловатое лицо с черными глазами, маленький нос и жесткие оттопыренные усы над небольшим ртом.

Он шел мимо новых домов, обшитых досками и раскрашенных под кирпич.

Он шел, и все ему кланялись, но останавливаться никто не решался, потому что то был царь Петр, и если он замечал, что кто-нибудь останавливается, то сейчас же начинал расспрашивать, что за дело такое у идущего, что он может в дороге медлить.

Так по набережной шел Петр, и все кругом него торопились.

— Пошел вон! — закричал Нартов. — Вон, сейчас же! Царь идет! Мальчишка, готовь царю колпак рабочий! Да нет, я сам... Крути колесо!

Нартов сам достал матерчатый колпак и посмотрел на Батищева умоляюще:

— Уходи! Я доложу, может быть...

Петр подошел к домику. Шелестели на дубах пожелтевшие, не спадающие до весны листья.

Перед дверью, сняв шапку, стоял человек в тулупе. Петр посмотрел на него сверху вниз.

— Батищев? — спросил он.

— Батищев, ваше величество, — ответил Яков. — Хочу доложить.

— Некогда. Не задерживай. Ты какой Батищев? С порохового?

— С порохового — мастер.

— Так что же ты стоишь? Будет у меня триумф с фейерверком. Иди, порох нужен.

Царь вошел, почти достигая головою притолки невысокой двери. Слышно было, как заскрипела лестница внутри дома.

«Может, доложит Андрей Константинович...» подумал Батищев.

В мастерскую Петр вошел так стремительно, что пламя свечей заколебалось. Он сбросил с себя красный кафтан, шапку, кинул парик в угол, напялил колпак и сел за станок.

Мальчик закрутил колесо, и стальной резец, зажатый в суппорт, двигаясь по воле механизма, снял длинную медную стружку.

Царь думал. Английский флот вошел в Балтийское море, угрожает своими пушками, требует, чтобы интересы Англии были учтены при заключении договора со шведами.

Шла дипломатическая борьба между Россией и Англией. Англия поддерживала разбитую Швецию, для того чтобы не дать России укрепиться на Балтийском море. Английский флот крейсировал в Балтийском море под начальством адмирала Норриса.

Норрис отправил в Ревель письмо:

«Король английский, государь мой, велел мне идти с эскадрой в это море для получения справедливого и умеренного мира между Россией и Швецией».

Петр вытаскивал модель и думал.

— Позови Шафирова! — сказал он.

Царь точил и думал, как ответить резко и прямо, чтобы видно было, что сила и правда на его стороне.

Нартов двинулся, как тень.

«Доложить или нет? — думал он. — Может, время?..»

Но тут тихо открылась дверь, и в комнату вошел, кланяясь и сверкая серебряным парчовым кафтаном, черноглазый толстый барон Шафиров.

— Ваше императорское величество, — сказал он сладостным и восторженным голосом, — они не решатся.

— Еще бы! — сказал Петр и, обратившись к Нартову, приказал: — Стань у двери, никого не пускай... Англичане хотят победить не воюя. Только у нас сердце дубовое, мы не оробеем. Пиши, Шафиров.

ГЛАВА 6-я,

в которой рассказывается о победе

англичане подошли к самому Питеру. Лавировали перед кронштадтскими мелями. Смотрели на низкий берег, но подойти к крепости не решились.

Попытка испугать Россию не удалась. Русские войска произвели десант в Швеции и вернулись в Петербург.

На Охте Батищев поставил новую большую плотину.

Работали батищевские машины, работали пороховые мельницы, работали заводы Демидова, сражались войска.

Наступила осень 1721 года.

Батищев вечером сказал Тане:

— Стреляют что-то!..

Действительно, через каждую минуту за рекой бухали пушки.

— Шведы?.. Да нет — им далеко.

— Может, лед идет, Яков?

— Лед-то идет, но не потому канюнада. Посмотрим. Оденься, Таня, потеплей.

Вышли. Уже ночь скоро. Река шумит. И вдруг загорелся за Невой тихим пламенем фитиль, образуя огневыми линиями голубое здание со столбами. Рядом со зданием появились два воина в синем огне. Один, с правой стороны, имел на щите русского двуглавого орла. У левого воина на щите были изображены три шведские короны. Русский богатырь протянул свою огненную руку с мечом — пал швед.

Тут начались залпы. В небо поднялись ракеты, над городом загорелся щит, и на щите был виден русский воин, топчущий коном змею.

То была любимая потеха Петра — фейерверк.

Пороха было сожжено, как на большой битве. Содрогался воздух. При вспышке ракет было видно, как по реке идет осенний ладожский лед.

Стих салют. В темном небе плыла луна — белая, как напильником прочищенная сталь; местами она темнела, как будто сквоззь нее просвечивало темное небо.

— Победа! — негромко сказал жене Батищев.

Это было 22 октября 1721 года. Россия праздновала победу над Швецией.

Немного мне осталось досказать про Батищева.

Работал Батищев на заводе до 1737 года. И дальше мы о нем ничего не знаем, кроме того, что род после него остался многочисленный.

В Туле работали батищевские станки. Работали они больше ста лет.

Батищева забыли. А машины его всё работали, создавая силу и славу народа.

Андрей Константинович Нартов жил как будто счастливее. В 1723 году сделан он был главным токарем, а в следующем году подал Петру проект учреждения Академии художеств. После смерти Петра поручено ему было сделать памятник, на котором должны были быть изображены все петровские победы. Памятник этот был выточен в малом виде и находится сейчас в Ленинграде, в Эрмитаже.

Служил Нартов, занимался изобретениями. Потом перешел в Академию наук. Работал по артиллерии.

Токарные станки его остались в музее при Академии наук как редкость. Стояли они там мертвыми, как прочтенные книги.

И в Туле, и по всей России, и во Франции, и в Англии, и в Германии — везде токари работали, держа резец в руках, как будто бы нартовского дела и не было.

Вывел нартовский суппорт из музея на завод, поставил мир на переточку новым резцом, создал новый токарный станок туляк Алексей Сурнин, о котором будет рассказано в следующей главе этой книги.

ГЛАВА 7-я,

действие которой начинается в 1785 году

ел осенний ладожский лед мимо строящейся на Васильевском острове набережной.

Одни льдины набегали на загородки из крепких досок, отделявшие от воды гранитную кладку, и, звеня, рассыпались. Другие льдины серединой реки уходили дальше в туман, к Кронштадту.

Нева замерзает не своим льдом, а ладожским, который в ней останавливается.

На высоком берегу около трехэтажного здания Кунсткамеры * стоял человек в синей, недорогого

сукна чуйке и смотрел на ледоход.

Льдины шли по реке, как толпа невыставшихся людей идет на немилую работу.

Человек вздохнул и вошел в Кунсткамеру. Привычно взглянул он на карниз дверей. На карнизе медный гвоздь обозначал рост Петра I.

Император умер шестьдесят лет тому назад, но в Петербурге о нем любили вспоминать.

Человек, вошедший в комнату, был крупен, но почти на четверть ниже отметки на притолоке.

Окна портретной комнаты выходили на северо-запад. За окнами был сад, и в нем деревья стояли уже голые, только на дубах сохранились светложелтые листья.

За сетью веток — двенадцать крыш длинного здания, протянувшегося от Невы до Невки. Комната полна зеленым светом: на окнах — зеленые занавески, на полу — зеленое сукно, стены обшиты досками и тоже покрашены матовой зеленой краской. Верх стен обведен широким позолоченным карнизом; над карнизом по потолку написано голубое небо с летними белыми облаками.

В глубине комнаты за стеклом стоит кресло под зеленым балдахином. В кресле, скрестив ноги в розовых чулках и изно-

шенных башмаках, положив руки на подлокотники, в голубом кафтане сидит кукла, изображающая Петра.

На стенах висят инструменты, приборы, изделия из кости. Все это было вещами живого, умелого, много работавшего человека.

Человек в чуйке вошел в соседнюю комнату. Называли ее «токарной». В комнате действительно стояло десять токарных станков Петра, из них шесть — русской работы.

— Мастеру Сурнину почтение! — услышал он голос.

— Льву Фомичу Сабакину, тверскому механикусу, низкий поклон, — ответил Сурнин, кланяясь не очень низко, но уважительно, человеку в черном кафтане.

Башмаки на Сабакине — увидал Сурнин при поклоне — ношенные. Пряжки на башмаках серебряные, но плохой немецкой работы, чулки недорогие. Плохо держат Сабакина в Петербурге, хотя он и знаменитый часовщик и строитель шлюзов.

— Отец протоиерей Самборский, — сказал Сабакин, — тебя хвалит. Но говорит, что ходишь без дела. Ты мне прежде рассказывал, как ты без дела оказался. И не сам ли ты в этом виноват?

— Вины моей в этом нет, — ответил Сурнин. — Была царица с князем Григорием Потемкиным в Туле, а потом в Таврическом дворце поставили князю ванну серебряную; купили туда еще к дверям разные хитрые английские замки с секретом. На то посмотрев, светлейший вызвал меня и приятеля моего Якова Леонтьева из Тулы те вещи принимать и на места ставить. Начал я с Леонтьевым в Таврическом дворце все чинить и править и делать разные механизмы для праздников. Работа наша против английской оказалась превосходней, и светлейший решил послать нас в Англию, снабдив казною, чтобы мы в английских мастерских работали, а англичане на нас удивлялись, но и мы, если что доброе увидим, там перенимали. А четверых товарищей послал на Сестрорецкий завод, чтоб посмотреть, кто кого через пять лет в работе по воронению, в бронзовой работе и во всякой другой перегонит. Отдали нас к протоиерею Самборскому на дом — английскому языку учиться. Мы тому протоиерею насос сделали на колоде, часы починили, крышу перекрыли, огород вскопали, а теперь нам уже работы нет, а без работы поп не кормит. А кормовых денег нам не идет, и вся затея, по-моему, оставлена.

— Ждать надо, — сказал Сабакин: — может, и вспомнят.

А в Санкт-Петербурге дела для тебя много. Вот и у нас найдется. Михайло Васильевич Ломоносов, великой учености муж, поэт в России первый и первейший в мире физик, занимался также оптикой. Среди многих других дел построил он зрительную трубу с металлическим зеркалом, других оптических труб много лучше. Делал ему ту трубу мастер Колошин Кирюша, помогали Гриша и Андрюша. Посмотрел Михайло Васильевич через ту трубу в небо — увеличивает она в шестьдесят раз и дает изображение светлое. Прочел он о ней меморию — доклад, напечатал про нее по-латыни, разослал бумагу по заграницам, да вскоре помер. А про трубу у нас забыли. Вот хотим мы ее сейчас обновить и работу Михайла Васильевича продолжить. Починить надо поворотные колеса к трубе, зеркало подполировать.

— Нам работа нужна, — ответил Сурнин. — Я, меж дворов скитаясь, оголодал.

— Дело важное, — продолжал Сабакин. — Смотрел Михайло Васильевич сквозь трубу в небо и увидел все тайны великого небесного здания — и на Сатурне полосы и спутников при планетах, — прежде неизвестные. Ты ту трубу поправь.

— Поправим, — сказал Сурнин.

— Слух есть, — продолжал Сабакин, — что та придуманная нами труба через Михайла Васильевича речь напечатанную и в Ганновер посланную стала известна некоему Гершелю. И тот Гершель трубу построил по нашему образцу и подобию, в небо посмотрел, увидел в небе новую планету и назвал ее именем «Георгий» — в честь английского короля. А та планета — наша, через ломоносовскую трубу увиденная.

— Звезду украли, — сказал Сурнин. — В каждом ремесле надо и помолчать уметь. Такую звезду назвать надо было б али «Ломоносов», али «Петербург», скажем, али «Тула».

— Тула на звезду не тянет, — ответил Сабакин. — А вот звезда «Ломоносов» — это хорошо. А починим трубу — найдем еще новые звезды, будет какая-нибудь неважная звезда и Тулой зваться.

— Мы работать согласны, — ответил Сурнин.

— Вот какое еще дело, — продолжал Сабакин. — У академии денег нет. Вот меня хотели в Англию послать, а денег нет. Ты работай, мы тебе книжками заплатим. Все равно они у нас лежат, а ты те книжки продай или, может быть, сам считаешь. Ты ведь грамотный?

— Только мне бы на харчи, господин Сабакин, получить.

— Будешь харчиться у меня. Лишняя ложка в те же щи незаметна, а работать начнешь сегодня.

В комнату вошел молодой человек во фраке с высоким лифом, в башмаках со стальными воронеными пряжками английской работы. Фрак на человеке был из черно-желтой парчи.

— На зебру похож, — тихо сказал Сурнин Сабакину.

— А ты зебру видал?

— Здесь, в Кунсткамере, видел.

— Это не зебра, — тихо произнес Сабакин, — а модная нынешняя материя, зовется «очаковская».

Сурнин оторвался глазами от человека в пестром платье и начал внимательно, хоть и не в первый раз, рассматривать паровые станки и, тихо вращая передачу, наблюдал, как механизм подает закрепленный в суппорте резец.

Человек во фраке осмотрел медали в витринах, стоящих между окнами, подошел, мелко шатая, к Сабакину и, смотря на стальные пряжки своих башмаков, произнес:

— Почтеннейший, кажется, вы у нас как-то часы чинили и здесь работаете? Не слыхали ли вы о таком человеке — Алешке Сурнине?

— Это я и есть, сударь, — сказал Сурнин из-за станка.

— Что же ты дома не сидишь? Ты думаешь, если ты оружейник и у тебя борода обрита, то ты уже и не простой человек? Я же за тобой бегаю!

— Моей вины в том нет.

— Да ты подумай, как я бегаю: в одном фраке! Ты, чуйка, понимаешь, что я могу простудиться?

— Понимаю, ваше благородие. Фрак на вас легкий.

— Да ты, чуйка, понимаешь ли, что я из-за тебя через Неву в ледоход на ялике ехал? Страшно мне было или не страшно?

— Не могу знать.

— Так вот знай, что мне было мне страшно, потому что я ехал по именному приказанию его сиятельства Григория Александровича Потемкина, всех орденов кавалера.

— Так в чем моя вина? — спросил Сурнин. — В чем моя вина, ваше сиятельство?

— Я еще не сиятельство, — ответил человек в пестром фраке. — Но не это имей в виду. Дело в том, что садился граф в ванну, вспомнил о вас, туляках, и спросил, что они из Лондона пишут и что об них англичане говорят. Мы, конечно,

ответили, что туляков за границу отправили, а писем про них нет. Так изволь немедля ехать в Лондон.

— У меня еще товарищ есть, Леонтьев Яков.

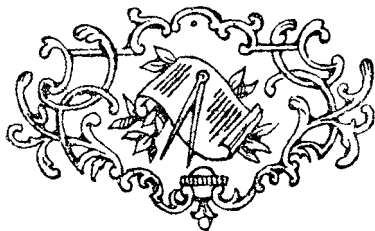
— И его разыскать и отправить немедля! Ежели вы мне здесь попадётесь, так хоть я и добрый человек, вас изничтожу. Про вас сам граф спрашивал, приказал вас ободрить письмом, так считай, что я уже вас ободрил. А ты за ним смотри, — обратился он к Сабакину.

— Я тверской губернии механик, — ответил Сабакин обижаясь, — я астрономические инструменты делаю, при академии служу, считаюсь вроде чиновника, и зовут меня на «вы».

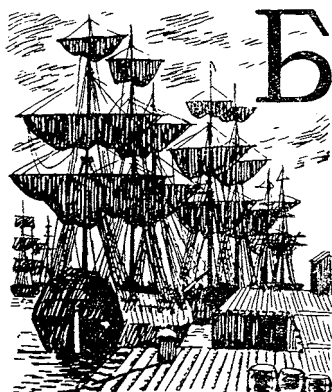
— Тоже чины, тоже служба! — ответил человек в зевровом фраке. — Ну ладно, помни: за него отвечать надо. Я спешу. Вон на Неве чистая вода есть, надо переехать. Я из-за вас тоже тонуть не намерен!

Человек во фраке ушел, поспешно стуча красными каблуками.

— Вот и не починим ломоносовскую трубу, — произнес Сабакин. — Что ж, уезжай, друг. Хотя завтра ты не поедешь и послезавтра не поедешь. Крик криком, а бумаги вам выписывать будут долго. Ехать вам придется на Гданьск. Может, в Англии еще и встретимся: зовут меня в Лондон Королевскому обществу доклад о паровой машине читать.

В этой главе рассказывается о том, что видел Лев Сабакин в Кронштадте

Большой город Санкт-Петербург сияет вдали, за бледноглубым заливом.

Над Котлином летят утки, летят все время, весь день и всю светлую ночь.

Море за Котлином свободно от льда. Оно прекрасно, как новый шелк, брошенный на стол для раскроя.

К вечеру меркнет шелк и темнеет его пологая, от дальней бури рожденная зыбь. Над заливом к Петербургу по нему плывут и тают, как льдины, легкие облака.

В шелковом море у Котлина с обнаженными черными мачтами стоят корабли, пришедшие из Англии за русским железом: без него уже за зиму проголодались английские заводы. Кораблей много. Кормы их расписаны золотом, на носках кораблей иззолоченная резьба. В воде отражаются позолота кораблей, и черные мачты, и свежая скрученность пеньковых вант.

Корабли грузятся сперва досками, потом русским железом. На железо опять кладут доски и опять железо, а сверху грузятся лен и пенька.

Из Петербурга через мели идут разные легкие суда — лайбы, соймы и галиоты, — везут железо, пеньку, доски.

При Петре — а было то шестьдесят лет тому назад — приходили корабли в самый Петербург.

Приходили корабли с балластом, песком, потому что везли в Петербург товар дорогой, убористый и не тяжелый, а увозили лен, доски, пеньку. Песок высыпали в воду, и замелела река. Большая от этого получилась морока.

В эти годы больше всего везли в Англию железо. Прошлый год близко к четырём миллионам пудов вывезли.

Плывут друг за другом галиоты и соймы от Петербурга к Котлину, стараясь не вступить друг другу в ветряную тень. Итти по мелководью трудно.

Уже семьдесят пять лет стоит на острове Котлин город Кронштадт; с юга на отмели — крепость. Улицы города прямые и широкие, церквей российских в Кронштадте пять, и из них один собор Андрея Первозванного. Есть еще немецкая и английская кирхи.

Петром Великим еще начат в Кронштадте великий канал, доделанный в 1752 году.

Тот канал служит для строения и починки военных кораблей. Длинною он более двух верст и глубиною четыре сажени, имеет шлюз и в конце — глубокий, каменной стеною окруженный док, из которого воду выкачивают, чтобы можно было в нем чинить корабли.

Закрывается док воротами. Тому доку равного в мире нет, и затворы для него построены по нартовским чертежам. Закрываются ворота плотно и споро.

Поставлены при устье дока две четырехугольные пирамиды с надписями: когда то строение начато и когда кончено.

Рядом прежде стояла ветряная мельница. На ее крылья правили корабли с моря. Махала она из Кронштадта широкими своими лапами, как бы в гости зазывая. А сейчас стоит дом, крытый уральским железом, что не ржавеет. Дому тому двадцать четыре сажени высоты, и он тоже издали виден.

Из дома идет дым и пар. В середине дома стоит машина огневая в десять сажен высоты. В ней цилиндр в два аршина, в цилиндре ходит поршень на цепях, цепь привешена к большим бревнам и качается — в минуту раз восемь.

В том доме котел тройной вмазан в печку. Идет от котла пар в цилиндр. Когда поршень поднят, наполняется паром весь цилиндр. В это время впускают в цилиндр воду, и пар с холоду ежится и садится: возникает над поршнем пустота. Воздух наружный давит на поршень, и он идет вниз. Идет поршень вниз и за цепь тащит бревно. То бревно висит коромыслом на перевес и тащит другой поршень, который ходит в насосе, а насос сосет воду из дока.

Ту машину сделали англичане. Стоит она в Кронштадте скоро десять лет.

В тот день в каменном бассейне дока стоял трехпалубный корабль.

Вода в доке убывала от крупных глотков машины. Огромный корабль с высокими мачтами был похож на ребенка, посаженного в корыто для купанья.

На машину смотрели двое русских. Один лет сорока, бел, крупен и спокоен, руки вдоль тела держит, а голову прямо. Одет чисто и не дветасто. Это наш знакомый Сабакин. Другой, молодой, быстрый, в пестром камзоле и зеленом кафтане, в легких пестрых штанах и русских сапогах, — ученик здешнего училища при машине, по фамилии Дмитриев.

Пыхтит машина. Топят ее каменным углем, что привозят из Англии на английских кораблях, глотает машина из дока воду по сто тридцать ведер в раз.

— Похожа машина на слона большого, что стоит на задних лапах и передними работает пыхтя, — сказал младший.

— Я, Дмитриев, слонов твоих не видал, — ответил старший, — так что я просто тебе не скажу, похоже или не похоже.

— А как вас, господин Сабакин, зовут по отчеству?

— Зовут меня господин тверской механик. Сабакиным меня зовут, а не Собакиным, как бояр. И не Иванович и не Алексеевич — живу без «вичка». Я Сабакин самый обыкновенный, изпод Старицы, что на Волге. Ну, научился по шлюзному делу, часы астрономические сделал. Про Кулибина слышали?

— Кто же про него не слышал! Большой человек Иван Петрович, но бедует сильно.

— Так вот, Иван Петрович часы мои одобряет. Смотрел еще мои часы профессор Морского корпуса Николай Гаврилович Курганов. Он тоже из простых людей, дошел до учености. Говорит Курганов, что часы мои не хуже гариссоновских и что нужны они весьма нашим мореходам для точного определения места по солнцу. Не токмо французы да англичане нашли на южном море острова и земли, но и мы, неутомимые россияне, также нашли новые земли и множество населенных островов. Те острова как нам, так и всему свету были совсем неизвестны.

Так говорили люди у подножия машины.

Машина качала воду не спеша, захлебываясь и хлюпая.

Вышли Сабакин и Дмитриев на улицу. Тут уже не пахло сернистой гарью. Над головой летели утки на север. Был вечер. Шелком лежал залив. Голубое небо висело над головой высоко, и быстрые облака были похожи на легко взбитые подушки.

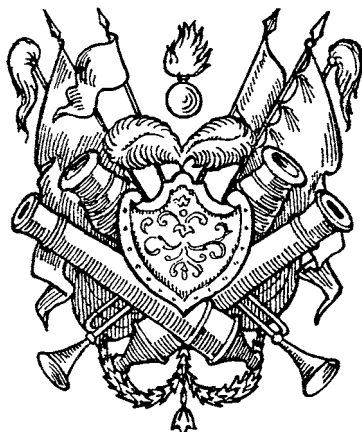
Белая ночь не давала спать людям. Кронштадт жил. По улицам ходили русские матросы в серых бушлатах с плисовыми воротниками, а иные просто в зеленых шерстяных фуфайках,

офицеры в зеленых мундирах с красными отворотами, иностранные негoцианты * в кафтанах, башмаках и чулках и купцы в русской одежде.

На галиотах, плывущих к кораблям, кто-то пел протяжную песню.

Розовым кружевом обшито кругом было небо.

Дома Кронштадта в белой ночи стояли без теней. Черный дым поднимался стволом в небо. Как будто вставало над Кронштадтом дерево нового времени с огненными корнями, с дымным листом.

ГЛАВА 9-я,

в которой русские мастера говорят о своих трудных делах

Пойдем к Мартышке, — сказал Дмитриев.

Мартышка держал харчевню недалеко от храма Андрея Первозванного.

Мартышка был сильно стар. Борода у него по морской манере — на горле. Не то это борода, не то это баки. Будто и борода, будто и не борода, будто бы и мужик, а будто и иноземец. На Мартышке желтые башмаки и красные чулки, желтые плисовые штаны и куртка на меху, который лет двадцать назад был лисьим. Жилет

полосатый. По жилету дорогая и самая модная стальная цепочка — английской, бирмингамовской, работы.

— Поздновато, — сказал Мартышка. — Думаете, что коли белая ночь, так я уж и спать не должен?

— В гости пришли, Мартын Мартыныч.

— Мартыныч?.. Поживу и Мартышкой. А ты Мартышке деньги принес?

— Я плачу, Мартын Мартыныч, — сказал Сабакин садясь. — Будем знакомы: тверской губернский механик Лев Сабакин. В Лондон еду. Дайте мне пива для ознакомления — английское крепкое.

— Выпейте водки, господин механик. Ночь свежа, то водке в Англии соскучится. Плохая у них водка. Садитесь, господин механик, я вам окошечко открою. У меня сирень в дворике.

Мартын Мартыныч открыл окно; как будто дожидаясь этого, за окном любезно запел соловей.

— Присаживайтесь, Мартын Мартыныч, — сказал Сабакин, — выпьем на расставанье.

— На каком корабле изволите уезжать?

— «Аурора».

— Корабелыщик Лензеби, идет с железом. Коли будет ветер, пойдете.

— А в Англии соловьи поют? — спросил Сабакин Дмитриева.

— Поют, и сладко.

— А строение какое в Лондоне?

— Строение в Лондоне непорядочное — вразброд, но все больше в три жилья.

— Хорош город?

— Богат, хоть и дымен. Много в нем лавок.

— А наша Тверь, — сказал Сабакин, — после пожара отстроилась — стала красавицей. Площади круглые, вокруг них дома стоят в порядке, ни малы, ни высоки, а какие надо. Красивый город! А вот Питер не показался мне, хоть я и жил в нем долго.

— Питер потишел, — сказал Мартышка. — Как вам, господин механик, приглянулась наша машина?

— Пыхтит, — ответил Сабакин, — да бестолку. Плохо она воду из дока выкачивает, а дров идет много. Вот баба печет хлеб, так ведь она жар бережет; растопит печь, постирает, помоеется потом в печи. А тут нагреют цилиндр: холодят, потом опять греют, опять холодят. Разорительная машина! Много лучше сделать можно.

— А у нас в Кронштадте без нее нельзя, — сказал Мартышка: — у нас речки для мельниц нет... А вы по какому делу едете?

— Доклад буду в академии английской читать.

— А язык знаете?

— Немного.

— Пить можете?

— Не пью без разуму, но меня не перепьют.

— Так выпьем за мель, если угощаете.

— А почему за мель?

— Потому что от мели Кронштадт расцвел. Идет товар перевалкой, а мне торговля. Могу и вас угостить: ученых люблю.

В кабак вошли несколько матросов, сели за столы, обитые посеревшим от старости свинцом. Постучали. Послышалась английская и голландская речь.

Служанка подавала пиво в оловянных кружках.

— Вотька есть? — спросил матрос и засмеялся.

— Просто хоть и не держи пиво, — молвил Мартышка. — Вот стоит эта машина скоро десять лет, я на нее не жалуюсь — пускай пыхтит. Я, Мартышка, конечно, знаю все: поставили ее,

господин механик, по собственной ее императорского величества воле, запросила ее императорское величество Коллегию, известно ли Коллегии о машине, в Англии выдуманной, которая огнем выливает воду. Ну, конечно, Коллегия отвечает, что ей все известно. Когда начальство спрашивает, никто не отвечает — не знаю, мол.

— Я про английскую огненную машину иное знаю, — сказал Сабакин.

— Нет, вы не начальство, вы всего знать не можете. Запросили английскую Карронскую компанию — ту, что пушки-коротышки делает, каронады, — могут ли продать машину. Они, конечно, спрашивают: за сколько? Сговорились. И вот пришли к нам части машины и разные чугунные вещи на двух кораблях, а потом пришел еще третий. Полторы тыщи штук разной инженерной работы и вещей. И везли — сказать даже обидно! — кирпич везли, глину. Только песку не везли. Привезли английских рабочих людей — инженерного помощника Джемса Смита и рабочих толпу. А с ними не рядились, потому что из Англии рабочих выписывать нельзя, а ехать они должны были на своем коште. Поместили их ко мне, дали им на довольствие по пяти рублей, а инженерному помощнику по семь рублей пятьдесят копеек на неделю.

— Большие деньги! — сказал Сабакин.

— А им мало. Пьют, едят, а без контракта * не работают. Сразу выучили — «вотька», пиво. Пьют они да хвастаются, а я их кормлю, выключаю напитки, а они на то трактирное содержание не согласуются. Тут решили платить им просто жалованье, чтоб покупали они все по торговой цене. Вот стали они собирать машину: работали долго, не торопясь. Напустили дыму и уехали.

— Машина хоть работает?

— Ты, механик, не хитри! Выписали мы эту машину из Англии и там всё искали и спрашивали, нет ли такой машины. А такая уже у нас десять лет в Барнауле гниет. Ползуновской она работы и гораздо уютнее: в два цилиндра, и дыму от нее, говорят, меньше, и дрова не так жрет. Так за что же мы больше двадцати тысяч денег заплатили?

— За глупость, — сказал Сабакин. — Ползуновская машина английской лучше в десять раз. Робки перед начальством мы, а перед иностранцами коленопреклоняемся.

— Опрошено было бы Коллегию, известно ли про ползунов-

скую машину, она ответила бы — известно. А самим поправить начальство никто не решился. Так у нас своей машины и нет.

— Может, я за ней и послан, — сказал Сабакин.

— А сам придумать не можешь?

— Может, и придумал. Вот я модель в Англию везу да оттуда обратно привезу опробованную, с иноземным клеймом.

— Дело обыкновенное, — сказал Мартышка. — Так разные товары туда и обратно и возят. Паруса полощут, холстину треплют.

— А вы, Мартын Мартыныч, говорить вольно не боитесь?

— А я же Мартышка — с Мартышки какой спрос? Только трактиром и славен Мартышка.

— Каждый славы хочет, — сказал Сабакин.

— А ты не хочешь?

— Хочу, Мартышка, — говорит Сабакин, — только слава у меня должна быть другая. Вот показывали мне огневую машину, а она по действию своему старая. Сделал я другую и докладывал о ней неоднократно. Никто меня не слушал, а теперь меня зовут в Англию, и буду я в Лондоне о своей машине докладывать.

— А ты не делай, — сказал вдруг Дмитриев.

— Почему не делать?

— Украдут.

— Сам боюсь. Да велено прочитать доклад, чтобы знали английские люди, что есть у нас свои механики и что мы не из их рук видим да перенимаем.

— Михайло Ломоносов какой орел, — сказал Дмитриев, — а то, что придумал он, уплыло!

— Уплыло, да не все, — сказал Сабакин. — Трубу я его хоть и не без труда, а сделал и сквозь нее в небо смотрел.

— Слушай, Сабакин Лев... не знаю, как по отчеству... расскажу я тебе свою историю. Всего нас в Кронштадте мастеров-механиков двое: я да Федор Борзых. Мы здешние, кронштадтские. Кончили мы школу при канале, учились арифметике, черчению, рисованию, церковному пению. Выбрали нас двоих из всей команды. Кончили школу в июне семьдесят седьмого года, вот в такую же тишь. И в том же году вызваны были я, Дмитриев Роман, и Борзых в Англию для точного познания управления той машиной. Побывал я на карронских заводах.

— Хороши? — спросил Сабакин.

— Хороши и страшны. Шуму там, и огненных языков, и визгу блочного много. Колесо там вертится над рекой на перепадах воды; в колесе больше семи сажень в спицах, ну поменьше наших уральских, что Фролов ставил. Железо там делать умеют хоть и не гораздо, да чугуны.

— Дров-то на тот чугун пошло сколько! — сказал Мартышка.

— Вот у нас уголь из дров делают, а они на каменном угле льют чугуны.

— Сколько же это угля идет?

— Свыше, сколько можно сообразить. И те огненные машины при шахтных ямах и выросли. Не могли иначе воду из ям откачать. И жрали эти самые машины угля до удивления. А есть у них механик Уатт, вроде тебя, Сабакин, — человек не из знатных: часы чинил, табакерки с музыкой ладил, при ихней школе чинил разный инструмент. Не столь, сколь Курганов, учен — нет, но вроде тебя, Сабакин. И придумал он пар под поршень пускать. Жмет пар, и поршень его не от воздуха вниз идет, а от пара вверх.

— А у меня, — сказал Сабакин, — он вниз и вверх пойдет от пара.

— Чугуна там идет много, и всё англичане справиться не могут с тем, как воздух в домну дуть. Тут мне захотелось сказать, что и мы не без ума. А я-то знал, что в Барнауле Ползунов мехи цилиндром ладил, вроде водяного насоса. Я тем и похвастал, а они и переняли ползуновское дело.

— Прохвастал, — сказал Мартышка.

— Прохвастал. Думал у них поучиться, а они у меня толку заняли. Вот теперь я свищут моим свином, воздуходувки паршивые! Гонят воздух в английские домны. А Борзых не такой: его на дыбу подымай — он не проговорится. Ну, посмотрели мы, нового ничего не узнали в Англии и поехали домой. И начал здесь Борзых — а он человек пресветлый — делать свою модель. Пошла она на апробацию. Видят люди — имеет она настоящее действие. Выкачала она из дока тридцать сороковых бочек в одни сутки и угля взяла на то двенадцать пудов, и сделано было не как у Уатта, но с нашими примечаниями — с паровым дутьем в топку; но нашего дела не приняли. Англичане — те дотошны: у них один не притрет колбу к цилиндру — по миру пойдет, другой дело перенимает, потому что английские люди на прибыль, как пчела на мед, дерзки — жрут и тонут и опять

летят. А у нас сделал наш Борзых машину и послал ее на апробацию, да не так написал: кронштадтскую огненную машину похаял, а она утвержденная. Взяли его под караул, и сидит он вот здесь, а я таскаю к нему хлеб да мясо и водку, когда пропустят.

— Не хвастай, — сказал Мартышка. — При мне сколько императриц меняли, а живой хожу. Только вот плясать не могу, да и возраст не тот. Жив за смиренность.

— Свет ты мой господин Сабакин, — сказал Дмитриев, — приедешь в Англию — ты Борзых не забудь. Что ты придумал, я не знаю, а вижу по глазам — придумал. Ты у английских людей не спрашивай — все равно солгут, а коли они тебя спросят, говори: «Не понимаю», а коли спросят еще, ты скажи: «Где нам — у нас страна деревянная».

— «Ой ли!», скажут англичане, — засмеялся Сабакин.

— А ты божишься и говори — деревянная, на квадратных колесах ездим с углами. Так и говори... А не то проговоришься. Они и спрашивать умеют с лаской.

— Ты Борзых от меня поклонись, — ответил Сабакин. — Устоим!

— Заговорили вы меня! — сказал Мартышка. — Голова у меня от вас заболела. Я думал, что вы об интересном хвастать будете, а вы о деле. О деле пора кончать. Вот и солнышко черпнуло водички и опять в небо.

— Неясно солнце, — сказал Сабакин.

— То и хорошо. Ветер с тучкой пришел попутный. Прощай, Лев Сабакин, господин... отчества твоего не помню.

— Прощай, Мартын Мартыныч!

Солнце и в самом деле поднялось, ветер дул на море, и корабль, тихо скрипя причалами, звал корабельщиков в открытое море. Как лес весною листьями, одевались корабли парусами.

Дмитриев провожал Сабакина.

Вдали дымилась огненная машина, и дым подымался в небо.

Утро пришло с туманом, с тучами, как будто слегка задымленное. Крутели в море надутые ветром паруса.

Сабакин взошел на высокую желтую палубу «Ауроры».

На корме негромко закричали по-английски. С причала побежал новый канат и плюхнул в воду, прочертив по ней пенный след. Грудь корабля приподняла воду.

Медленно отошел корабль. Дмитриев махал с пристани картузом. Отплывал Кронштадт, за ним голубел дальний финский

берег. Уплывали невысокие дома. Тонули в воде дома, церкви; вот только шпиль Андреевского собора над водой виден, только крест остался золотой искрой, вот только дым остался от Кронштадта.

Скрипели мачты.

Белые чайки привязались летать за солнечной кормой. Они летели, сверкая в неярком солнце, как обрезки жести.

«И что их держит в воздухе? — думал Сабакин. — Вот парус, вот крыло — а кто разгадает полет!»

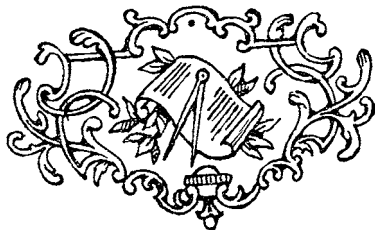
Вдали тонул в море дым. Корабль шел вдоль южного берега залива. Невысокие бугры виднелись вдали. Синел за ними хвойный лес.

Нагруженный ладно железом, шел корабль. Чуть обозначился скат палубы в береговую сторону: корабль шел в полветра. Берег становился круче и утесистее.

Ширело море, и уходил берег.

Предчувствие морской болезни сменило у Сабакина тоску расставания.

Подымалась волна, свежел ветер, кругом все голубело. Море все вняло, все заполнил звук корабля: гуденье паруса, скрип мачты.

ГЛАВА 10-я,

в которой описывается Лондон конца XVIII века

Лондон имеет вид полумесяца, лежит на левом берегу Темзы, в двадцати милях от впадения в море. Это один из люднейших, суматошливых и печальных городов света.

Двадцать человек на сотню в Лондоне живут неплохо. Остальные — посредственно или бедственно. План города есть образец неправильности.

Как все старые города, Лондон часто горит. Но особенность его в том, что после пожаров вычерненный пятнами Лондон восстанавливается столь же неправильно.

Пять лет тому назад, в 1780 году, город восстал. Восстание подняли недовольные подмастерья. Им почти невозможно стало превращаться в мастеров.

Заменялись мастерские ремесленников мануфактурами *, в которых рядом сидели сотни, тысячи людей, производя работу, разделенную на части.

Одни ремесленники сами делались владельцами мануфактур и сажали за станки женщин и ребят, другие становились рабочими и голодали.

Итак, Лондон пять лет тому назад восстал. Восставшие громили тюрьмы, мануфактуры и дома католиков.

Восстание было подавлено. Несколько десятков человек из числа восставших повесили. Последние сутки перед смертью им напоминали о приближении казни через каждые полчаса и даже будили для этого ночью.

На черных, горелых местах снова построили дома; может быть, только больше стало каменных и меньше деревянных домов в Лондоне. Такого пожара больше в Лондоне не будет: сейчас снабжает Лондон водой водопровод.

Приезжие удивлялись на то, что в Лондоне ни один обыватель из своего дома или кухни не выходит за водой: он даже платье дома моет, потому что от огненных машин по всем ули-

цам и переулкам, даже которые на горе построены, проложены большие трубы, а от больших труб идут малые свинцовые в дом и кухню каждого жителя.

Впрочем, вода в Лондоне нехороша: ее качают из Темзы.

Темза пестра, потому что берега ее населены красильщиками и другими фабрикантами, спускающими сточные воды в реку. Вода отликает радугой.

Вот почему вода в лондонском водопроводе нехороша. В реке Темзе только угри могут жить, прочая рыба сдохла.

Темза покрыта кораблями, приплывающими сюда со всего света.

На берегу Темзы стоит Вульвичский арсенал; здесь готовится оружие и строятся корабли. На дворе в бараках мальчишки занимаются литьем пуль и насыпанием патронов: это военная мануфактура. Один льет пули, другой делает из бумаги патрон, третий кладет в патрон пыж, четвертый сверх пыжа кладет в патрон пулю, пятый сыплет туда порох, шестой завязывает, седьмой смазывает жиром патрон. Мелькают детские руки.

Англия вооружается. Англия захватывает морские торговые пути. По всему миру идут английские корабли. Надо ввозить из Индии хлопок, надо везти из Англии шерстяную материя, надо везти из Англии каменный уголь и разные железные изделия.

Раньше торговала Англия шерстью, канифолью, конским волосом, гвоздями, пивом, красками, рогом, мылом, оловом. Теперь торгует Англия мануфактурой разной — выделанным товаром.

Еще поставляет Англия корабли для торговли невольниками. Везут рабов из Африки в разные жаркие страны. В самой Англии нет рабов: здесь работают на мануфактурах бедняки, и стоит это фабрикантам не дороже.

Пестрит Темза кораблями. Воздух над нею перечерчен вантами мачт, расцвечен красными флагами, углы которых перечеркнуты синим английским крестом.

Через Темзу перекинут мост со сплошными высокими каменными перилами.

Город Лондон богат, но жители его склонны к унынию.

Над городом вместо неба дымный свод на тысячах дымных столбов. Дым стоит так, что воздух под ним похож на пещеры, как будто выработали земляной уголь и в больших норах по-

ставили трехэтажные дома. Еще дома похожи на стада красных коров, пасущихся в тумане. Стада эти не сомкнулись. Между ними лежат выгоны, парки и болота.

Лондон мощён и местами даже подметается. Метут нищие перед магазинами и на перекрестках и собирают потом за свою работу плату с прохожих в рваные свои шляпы.

Люди из Англии и со всего света стремятся в Лондон. Более сорока восьми тысяч людей въезжает ежедневно через его заставы, а сколько входит в него пешком и сгружается на набережные Темзы?

На одной из бесчисленных улиц в северной части Лондона стоит дом — большой, но мало отличающийся от других домов. Это обыкновенный трехэтажный дом, с газоном под окнами, с дубовой дверью, вымытым мраморным порогом и медным кольцом на двери. Этим кольцом стучат приходящие.

В подвале — кухня с хорошо начищенной медной посудой, камином, в котором горит каменный уголь, и полом, посыпанным опилками. Под полом кухни — погреб.

На второй этаж ведет лестница с нишей на правой стороне. Нишу эту делают во всех домах на случай, когда надобно будет выносить гроб по узкой лестнице с верхнего этажа: англичане мрачны и предусмотрительны. Во втором этаже — кабинет, а в верхнем жилье — спальня.

Кабинет обшит резным дубом, на полу — неяркие ковры, стол покрыт венецианским рытым бархатом, на столе — два серебряных канделябра со многими свечами. Горят только две свечи. В комнате сыро. Туман стоит над свечами.

Перед столом сидит граф Воронцов, российский посол в Англии.

У Семена Романовича глаза широко расставлены, рот большой, с красивыми губами, подбородок выпуклый, лицо несколько бледное и печальное.

Граф Воронцов диктует письмо.

Перед ним, склонив голову с длинными волосами, заплетенными в косу, сидит седобородый священник в штатском платье, он же секретарь Воронцова, — отец Яков Смирнов.

У отца Смирнова лицо полное, спокойное, широкая борода поседела только на самом подбородке. Глаза полны непоколебимым и сытым спокойствием.

Граф диктует:

— «Доклад господина Сабакина произошел в помещении

Королевского общества, в присутствии самого короля...» Вы пишете, батюшка?

— Запишу сразу, — ответил отец Яков.

Воронцов посмотрел на свои белые руки и продолжал:

— «Доклад этот необходим был для успокоения мнения общественного, возбужденного газетрами. Англия любит тайны даже в том, в чем тайн нет. Правительство английское запретило выезд в Россию славному господину Уатту, но благодаря нашим ходам разрешено было уехать господину Гайскону, что и совершено им на собственном корабле...» Вы записали?

Отец Яков начал писать. Воронцов продолжал задумчиво:

— «Доклад Сабакина всех заинтересовал и показал, что Россия не отсталая страна и что мы не столь заинтересованы в вывозе иностранных инженеров, а потому и последовало разрешение». Что вы об этом думаете, батюшка?

— Конечно, вы правы, ваше сиятельство, но мне кажется, что господин Сабакин, никем не предупрежденный, говорил слишком откровенно и мы в стремлении своем получить знающего человека из Англии сами снабдили Англию некоторыми не лишними для нее сведениями.

— Так, батюшка, писать не надо, — сказал граф.

— Я, ваше сиятельство, вашу же мысль уже изложил. Разрешите, я прочту?

Священник прочел:

— «Препровождая при сем с курьером Кановичным рисунок машины для поднятия воды паром, изобретенной находящимся здесь русским механиком Львом Сабакиным, который в прошлом году был прислан по именному Ее Императорского Величества повелению, во-первых, доношу вашему сиятельству, что модель сей машины, им же самим сделанная из меди, была показана многим славным здешним механикам. Как все сказали, что простые, столь хорошо соответствующие намерению оной правила явно доказывают, что изобретатель имеет отменную остроту и склонность к механике. Второе, подобный же рисунок сей машины был представлен здешнему королю, который также им был очень доволен и оказал желание видеть модель в самом действии оной. Сей механик, несмотря на то, что ему уже за сорок лет, с неусыпным рачением прилежит к изучению аглицкого языка и частей математики, нужных к чтению механических книг. Действительно сожалеть должно, что на месте его рождения, то-есть в Старице, не имел он случая получить лучшее

воспитание; но со всем тем неутомимое его старание и ревностная охота к приобретению знаний в механике, кажется, уверяют, что он со временем в состоянии будет изобразить что ни на есть весьма полезное: ибо все его изобретения, как то сия машина и другая, которую он изобрел, колотить сван и пр., доказывают, что он более склонен к изобретению вещей полезных, нежели забавных. И как ваше сиятельство и прежде доставили двум русским механикам, Сурнину и Леонтьеву, случай воспользоваться императорскою щедротою, то прошу покорнейше к одобрению сего, который действительно обещает пользу отечеству более еще оных, представя сей рисунок с описанием Ее Императорскому Величеству, исходатайствовать высокомонаршее благоволение и некоторую помощь; поелику он, для лучшего изучения механики здесь, поедет в Единбург»¹.

— Разве он едет в Единбург? — спросил граф, подписывая письмо.

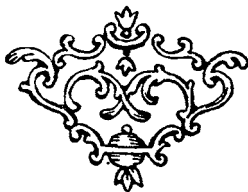
— Видите, ваше сиятельство, если он и совершил ошибку на докладе, то пускай он ее забудет. Что же касается чертежа, который мы должны приложить, то должен сказать, что его у нас украли, что и навело меня на мысль о значительности сообщения господина Сабакина.

— Что же нам делать?

— В бумаге упомянуто, что чертеж послан, — значит, будем считать так, что он пропал на почтовой коммуникации*.

— Ну, я подписываю, батюшка, — сказал граф, осторожно обмакивая перо в чернила и поправляя белоснежный манжет, чтобы не испачкать его при писании.

¹ Письмо графа Воронцова к графу А. А. Безбородко (Письма из Англии). Лондон, декабрь, 19 (30) 1785.

ГЛАВА 11-я,

*в которой описывается путешествие Сабакина по дорогам Англии
и приезд в Бирмингам*

Батюшка Яков Смирнов, священник посольской домово́й церкви, снаряжал Сабакина в дорогу.

Должен был Сабакин ехать в город Эдинбург, учиться в тамошнем университете, а по дороге писать письма об Англии для петербургского журнала, выходящего при Императорском Вольном экономическом обществе.

Сам Сабакин после доклада хотел ехать домой, но граф Воронцов его не пустил, сказав, что прислан был Сабакин в Англию по распоряжению самого Потемкина и

отозвать его может только Потемкин. Напоминать же было невежливо, тем более что из России недавно прислали Сабакину сто фунтов стерлингов. Значит, считали, что он должен жить в Англии дальше.

На эти деньги Яков Смирнов купил для Сабакина два пистолета на случай встречи с разбойными людьми, палку со стилетом * внутри на тот же случай, костюм суконный толстый, потому что ночью могло быть холодно.

Надо было еще купить плед шотландский клетчатый, но батюшке стало жалко денег, и он продал Сабакину совсем недорого старое овчинное одеяло, тридцать лет тому назад привезенное из России; в Лондоне оно ему было не нужно. Сверх того, дал он Сабакину флягу с вишне́вкой и жареного гуся.

На империале дилижанса, в котором ехал Сабакин, рядом с ним сидела краснолицая женщина в пестром, модном, глянце-витом, еще не стиранном платье, с полушелковым зонтиком и недорогой, но индийской шалью на плечах.

Смотрел Сабакин сверху дилижанса.

Вся Англия ехала, перемещалась и линяла. Еще недавно английские поля белели холстами, положенными на солнце, но сейчас поля пусты: белят материи едким составом.

Дорога бежала навстречу. Почти по пояс в облаках пыли проезжали верхами купцы с желтыми кожаными саками у седел, торговцы на двуколках и опять купцы.

Дилижанс катился, прыгая на ухабах, верст по двенадцати в час.

Вдали виднелись фермы под вязами, показывались прореженные аллеи, ведущие к старым кирпичным замкам, и пруды, сверкающие за высокими запрудами. У зеркала прудов стучали сукновальные мельницы.

Шли люди по обочинам дорог, несли узелки, навесив их на палки, перекинутые через плечо.

Почти все поля были огорожены; в деревнях много домов стояло заколоченными. Замки съели деревни, но расширились только города.

Дилижанс вбегал в города, пестрые от новых домов, останавливаясь у таверн.

Пассажиры уже сдружились во время остановок, закусывая и выпивая в тавернах. Один Сабакин скромно ел своего гуся, не слезая с дилижанса: с ним разговаривали неохотно.

Широкие колеса дилижанса легко катились по дороге. Временами показывались домики путевых сторожей.

Дилижанс останавливался. Кучер откидывал длинную полу пальто, запускал толстую руку в желтое широкое, как ведро, голенище, доставал истертый бумажник, выгребал из бумажника кошельки, потом неохотно вынимал из кошелька серебро.

Сторож шлагбаума не торопился и стоял, опершись спиной на бревно.

Сабакин смотрел вдаль — на клубящуюся пыльную дорогу, на пустеющие поля.

Дилижанс трогался. Кормленные лошади бежали охотно. По дороге отставали большие фуры и телеги. Дорога переходила высокими мостами через черные каналы. На каналах женщины в серых шерстяных юбках, низко наклонившись и опустив руки в коротких рукавах почти до земли, тянули тяжелые баржи, влегши в широкие лямки плоской грудью, как будто бодая воздух желто-седыми головами.

Каналы были узки, и черная вода, усами подымаясь у тупого носа серых барж, расплывалась и тихо плескалась о берега.

Вдали показались вышки над каменноугольными шахтами и опять черные каналы, как будто вся Англия росла и шкура ее треснула от роста и пошла черными полосами.

Сабакин сверху смотрел на широкие поля, на купы деревьев, которые показывались вдали.

Почти все пассажиры на империале дилижанса дремали, но женщина в шали, сидящая рядом с Сабакиным, не спала.

— Судя по вашему изумительному одеялу, вы иностранец, — сказала женщина.

— Я русский.

— Про Россию я знаю: мой муж торгует с Архангельском. Я все знаю: Россия — это железо, мех, лен, Суворов и императрица...

Над дорогой, прямо над головой едущих на империале, прошло влажное брюхо акведука *: канал с барками перекинулся через дорогу.

— ...Скоро мы совсем не будем ввозить лен из этой России... Все изменяется, сосед... Надо идти или вверх, или вниз... Мой муж, после того как дорога прошла через нашу землю, завел торговлю, и я ношу зонтик не для дождя, а для того, чтобы не загореть... Куда вы едете?

Сабакин не ответил.

— Почему вы молчите? Человек в дороге должен быть разговорчив!

— В России много и другого есть, — ответил Сабакин.

— Да, да, знаю: там еще есть леса и белые медведи. Но муж сейчас не торгует льном, который прежде шел из Архангельска. Посмотрите на мое платье: это чистая хлопчатая бумага. А прежде материи делались с льняной основой. Я не знаю, чем теперь будет торговать Россия.

— Железом, — ответил Сабакин, — канатами, парусами, лесом, может быть машинами и хлебом.

Приближался Бирмингем. Уже видны были его темноокрасные закопченные дома.

У пригородного шлагбаума дилижанс остановился.

Сабакин собирался посмотреть завод Болтона и Уатта, но надо было посмотреть и сам город.

Он слез и проверил записки отца Смирнова. Смирнов не советовал Сабакину называть себя ученым и газетёром-журналистом: это в Англии не уважалось. «Называйте себя московским купцом — тогда всё покажут», говорил отец Яков Смирнов.

Улицы города плохо вымощены; дома еще не сомкнулись, между домами — свалки. На одних стенах черная копоть, другие еще алы, как свежеразрубленное мясо.

Сабакин пошел по мастерским. Изумительного здесь мало: стальные изделия в Бирмингеме похожи на тульские, только иногда отличаются полировкой.

Бирмингам славился выделкой разной галантереи, тем, что звалось в России щепетильным товаром. Впрочем, выделявали здесь также и фальшивые монеты, которые звались «бирмингамскими пуговицами». В Бирмингеме же били монету и для малых немецких княжеств.

Дело шло к вечеру. Надо было идти к господину Болтону. Господин Мэтью Болтон был сыном небогатого мастера. Лет двадцать пять тому назад в Бирмингеме работало множество небольших мастерских. Старик Болтон был умен и скуп. Умер он в середине века, оставив все же весьма незначительное предприятие.

Сын его придумал новый фасон стальных пряжек. Он делал их в Бирмингеме, отправлял в Париж, и оттуда их отправляли по всему миру как французские. На эти деньги построен был за каналом на севере от Бирмингама завод — Сохо.

Мэтью Болтон слыл человеком стальным, гибким и прочным. Он взялся за производство художественной бронзы, подделывал французские вещи, брал римские образцы, выписывая их из Италии прямо с раскопок. Другом его был знаменитый английский керамист Веджвуд.

Фальшивых монет сам Болтон не делал, считая предприятие мелким, но на фальшивомонетчиков не доносил и сам сконструировал машину для битья монеты и искал для нее крупного покупателя.

Мечтал Болтон о том, чтобы строить машины для всего мира.

Был он уже немолод. Высокий и несколько скошенный назад лоб его суживался напудренными кудрями парика. Глаза сидели неглубоко, но смотрели жестко. Твердый рот с четко обозначенными углами, нос, выдающийся вперед, спокойные и толстые ноздри, полные щеки, полный подбородок, который лежал на белоснежном жабо, — все означало, что господин Болтон уже человек важный.

Господин Болтон поднялся с кресла навстречу входившему Лэву Сабакину, улыбаясь ему твердо выгравированной улыбкой. Он был любезен, потому что присутствовал на докладе Сабакина и, кроме того, надеялся, что Россия закажет машину для штампования монет.

Большая приемная была уставлена прекрасными греческими вазами из бархатистой глины, китайским фарфором, темным веджвудским фаянсом, сине-белым и розовато-зеленым саксонским фарфором и французскими вещами, которые легко подделать, но выдумку которых невозможно предусмотреть.

— Садитесь, мистер Сабакин, — сказал Болтон. — Ваш проект насоса со свободным поршнем прекрасен. Мудрое всегда просто, как в механике, так и в искусстве.

Сабакин сел в модное кресло с украшениями из черного дерева и черепахи. Он поставил дорожные свои сапоги на ковер и смотрел на Болтона рассеянно, сжав коленями толстую трость и зонтик в зеленом чехле.

Болтон улыбнулся.

— Я не привередлив и не переборчив, — сказал он. — Англия — кузница для всего мира. Я кузнец и литейщик, готов работать на весь мир — готовить разные предметы, делать их из золота, из серебра, из платины, из черепахи, из меди и чугуна. Теперь, когда друг мой Уатт усовершенствовал паровую машину, я готов выточить даже новую луну взамен старой, а также отливать богов для всего мира из любого материала. Я также имею все технические средства для построения паровых машин любого размера для любого города и любого завода.

Болтон позвонил в серебряный колокольчик и, подождав три минуты, открыл дверь, ведущую во двор.

Среди замусоренного пустыря стояло приземистое строение с широко открытыми воротами. Сквозь них видны были два неярко освещенных горна и небольшой токарный станок самой простой и старой конструкции, даже без подручников.

Болтон поморщился и позвонил еще раз. Ворота закрылись.

ГЛАВА 12-я,

заключающая в себе разговор с теми, кто подымается вверх

Болтон и Сабакин вышли во двор. Кроме низкого здания с горнами, в стороне стояло еще четыре сарая. Над ними возвышалось гигантское сооружение и что-то вроде бака из досок, поднятого на перекрещенные бревна.

Паровая машина, всхлипывая и задыхаясь, качала воду в бак; вода лилась оттуда на мельничное колесо, от которого во все стороны бежали канатные передачи, приводящие в движение станки.

Навстречу Болтону шел уже немолодой человек без шапки. Лоб его был туго перевязан шелковой повязкой, над повязкой были видны залысины, от которых дружно начинались густые, уже поседевшие волосы. Жесткие брови над внимательными глазами, тяжелые скулы, тяжелый нос и пальцы, еще не отмытые от железа и привычно сложенные так, как складывают их для держания напильника, — все это делало его похожим на мастерового.

— Мой друг и компаньон Джеймс Уатт, — сказал Болтон.

Уатт протянул Сабакину жесткую руку.

Заводчик сказал весело:

— И вот вы встретились у меня, а могли бы встретиться в Петербурге! Господина Уатта три раза звали в Россию; предлагали жалованья тысячу фунтов стерлингов в год, но, впрочем, едет не господин Уатт, а господин Гаскойн. Он тоже хороший механик. — Болтон засмеялся.

— Наш гость простит меня, — сказал Уатт, — если я не буду очень разговорчив. У меня уже неделю болит голова.

— Пойдемте в мастерскую, — попросил Сабакин.

Все вошли в невысокое здание.

Все станки и машины в помещении были покрыты, очевидно только что, мешками и скатертями.

— Может быть, вы хотите чаю? — спросил Болтон.

Сабакин улыбнулся.

— Чему вы смеетесь?

— Меня все время здесь угощают чаем. Очевидно, стараются отвлечь от осмотра заводов.

— Тайна хороша в коммерческом деле.

— Я знаю вещи, которые производит Англия, — сказал Сабакин. — Сам я механик и понимаю, как сделаны эти вещи. Вокруг меня, я вижу, находятся станки, очень тщательно покрытые скатертями. Между тем и вы и я — мы знаем, что под скатертями станки самые обыкновенные.

— Станки всего мира похожи друг на друга, — ответил Болтон.

— Значит, не надо покрывать их скатертями. А кроме того, вы неправы, сэр: больше всего нужны миру сейчас именно станки, которые сами заменяли бы искусную руку рабочего и позволили бы повторять точно раз за разом изделия. У нас на заводе в Туле есть такие станки, построенные Батищевым.

— Я слышал про них, — ответил Болтон. — Но они уже, вероятно, устарели.

— Можно придумать новое, — ответил Сабакин. — Новое и простое. Напрасно вы не присоедините паровую машину к станку, а заставляете ее качать воду для мельничного колеса. Наш отечественный механик Ползунов понял, что паровая машина — двигатель, годный для всего. Однако его идея была похищена.

Они шли мимо шумных амбаров; за закрытыми дверями штамповали, ковали, пилили.

На горе стояла беседка, увитая виноградом. Недавно на этом месте была хижина фермера, который запахивал склоны холма. Стол в беседке был уже накрыт. На столе блестели хрустальные бокалы, бутылки с вином. Вино подавал мастер завода Мердок.

— Я не буду пить, — сказал Уатт: — мигрень мне этого не позволяет.

— Мистер Сабакин, — сказал Болтон, — выпейте вина. Это бордоское. Оно пахнет фиалкой — запахом скромности и молчаливости. Люди разума должны оказывать друг другу услуги. Поэтому должен вам сказать, что вы напрасно были так откровенны на заседании в Королевском обществе. Имеете ли вы патент на вашу машину?

— Нет, — сказал Сабакин.

— Я надеюсь, что вас будут хорошо угощать в Англии, — продолжал Болтон, — но боюсь, что вы еще лучше угостили Англию своей машиной. Если бы я был вашим коммерческим

компаньоном, я не стал бы вам говорить так откровенно. Впрочем, в прошлом году благодаря моему влиянию мы получили в парламенте патент на всякого рода вращение, производимое нашей машиной. Так что мы не отстанем теперь от мыслей вашего уважаемого соотечественника, фамилию которого я, впрочем, не запомнил.

Уатт поморщился:

— Демон коловращения овладел миром и доведет нас до сумасшедшего дома или до долговой тюрьмы. Часто мне кажется, что лучше ограничить работу машины только выкачиванием воды. Не надо отрывать паровую машину от насоса. Достичь поднятия корзины из шахт можно, выливая выкаченную воду на мельничное колесо. Мне кажется, что господин Ползунов напрасно открыл двери в неведомое.

У Уатта болела голова, и поэтому он говорил так откровенно. Он чувствовал трудности создания новых машин. Новые машины создавались по-старому, на старых станках. Каждая новая отливка, каждый новый шаг вперед требовали нового усилия, и очень часто бесплодного.

Уатт в письмах часто даже писал о том, что надо задерживать развитие техники.

Сейчас Болтон услышал в словах Уатта усталость и захотел отвлечь своего компаньона от тяжелых мыслей. Уатт должен был думать и изобретать. За то, что он сомневался, ему не платили.

— Господин Сабакин, вы не должны верить Уатту, — сказал хозяин: — хлеб надо сеять, товаром надо торговать, художественные вещи надо производить штампом, корабли не должны стоять на причале, а патенты надо использовать до конца.

Уатт, потрогав шелковую повязку на лбу, ответил, но не хозяину, а тверскому механику:

— Мистер Сабакин, головная боль меня истощила. Мы с вами оба часовщики — люди ремесла. Вы правы: под скатертями не скрыты великие тайны — там только станки, довольно плохо работающие. Мы еще не умеем обрабатывать сталь. Но если бы было достаточно только изобретать! Я начал с того, что взялся починить модель машины Ньюкомена. Модель работала хуже, чем те машины, которые я знал в деле.

— Это зависело от большого охлаждения, которое происходит при уменьшении диаметра цилиндра, — заметил Сабакин.

— Да, вы правы. Я посоветовался с профессорами, но они мне сказали немного. Усталый и измученный так, как не устают

даже шахтер, я брал однажды по улице Глазго, опустив голову; лицо мое обдало паром: пар валил из подвала, где стирали белье. На холоде пар сгущался. Тогда я решил: пар надо охлаждать не в самом цилиндре, а вне его, выпуская из цилиндра через какое-нибудь отверстие, как через форточку. Тогда сам цилиндр останется горячим и мы не будем терять даром силы тепла. Так у меня открылись глаза.

Болтон уже выпил и был весел.

— Чокнитесь со мной и с господином Сабакиным. Выпьемте за коммерцию, господин Сабакин. В прошлом году мы были уже накануне разорения, но я устоял в то время, когда другие заводы закрывались. Нас выручил, сэр, копировальный станок, который был изобретен Уаттом, очень похожий на старый пресс типографщиков. Не обижайтесь, господин Сабакин, — продолжал Болтон, — что мы покрыли наши станки скатертями. Самая большая тайна, которую мы имеем, — это не тайна чертежей машин, а тайна о том, как сделать эти машины.

— И это мы плохо знаем, — продолжал Уатт. — Нам нужно придать точность цилиндру. Сперва я был доволен, если между поршнем и цилиндром нельзя было просунуть мизинец; сейчас в зазор нельзя просунуть монету.

— А между тем, — сказал Болтон, — мы еще очень мало умеем. Вы тогда будете победителем, Уатт, когда я смогу делать машины так, как выбивают монету: одну, похожую на другую.

— Я больше всего, — ответил Уатт, — люблю ту свою машину, которая была сделана из олова. Она построена наспех, но она работает. Да, у нее цилиндр из олова и поршень из дерева. Мы не умеем еще делать из металла машины.

— Господин Уатт, — стоя сказал Мердок, — мой дорогой господин, вы ветер в наших парусах... Выпьем за разум, мистер Уатт!

— За разум? — сказал Болтон, наливая коньяк на дно бокала. — А почему не выпить за капитал Болтона? Господин Уатт без меня ушел бы прокладывать каналы и не строил бы машин. Господин Сабакин, родина там, где человеку хорошо. Первыми ткачами в Англии были люди из Фландрии. Немец Гершель стал английским астрономом. Почему вам не стать английским механиком? Не хотите ли вы поступить ко мне?

— Отечества не меняют, — сказал Сабакин нахмуясь.

Болтон огорчился: ему показалось странным, что его предложение, столь явно выгодное, было отвергнуто.

Он недовольно ответил:

— Ваш ответ, может быть, удачен, но он принесет вам большие убытки. Значит, мы расстаемся? Чем я мог бы быть теперь вам полезен?

Сабакин ответил:

— Дайте мне письмо к директору какой-нибудь глубокой шахты.

— Зачем вам лезть под землю? Ни один английский журнал еще никогда не напечатал описание шахты! Впрочем, я дам вам письмо на шахту старого Ребека. Это недалеко от Эдинбурга. Вы долго собираетесь прожить в Эдинбурге?

— Мне посоветовали изучать в Эдинбурге математику, — ответил Сабакин.

— Как любят русские отвлеченные науки! — рассеянно сказал Болтон. — Заезжайте когда-нибудь к нам: в день каждого новолуния у нас праздник — собираются люди, которые делают новую технику в новой Англии.

ГЛАВА 13-я,

содержащая описание английского рудника конца XVIII века

шахта, в которую приехал Лев Сабакин, находилась на берегу канала с черной, как будто ржавой водой.

Дым, как большое дерево, стоял над шахтой.

Слышно было мерное, знакомое Сабакину пыхтенье пароатмосферной машины.

Испачканная угольной пылью, крепкая ивовая корзина висела на воротах над черным зевом шахты. Рабочий подтянул корзину. Сабакин перешагнул через ее край. Ворота завертелись.

Небо над тверским механиком начало темнеть и суживаться; по сторонам блестели закопченные бревна шахтного сруба.

Корзина быстро опускалась. Сабакин взглянул вниз: черное дно шахты казалось уже близким.

Небо, видимое в отверстие шахты, совсем потемнело. В серо-синем, как будто ночном небе сверкала серебряно-золотая звезда.

Сабакин ждал конца спуска, но в этот момент корзина вошла в тяжелый сернистый дым. Он поднимался вверх по стенам шахты, точно прилипая к бревнам сруба.

Механик закашлялся, дым и копоть охватили его. В дыму вдруг показался красный свет, и свет стремительно приближался. Корзина быстро спускалась прямо к большой грудке пылающего каменного угля.

Из тьмы коридора, уходящего в сторону, показалась серая лошадь; она тащила за собой вагонетку с углем.

Лошадью правила женщина в испачканном холщовом костюме. На лице женщины сквозь слой сажи видны были только глаза и зубы.

Подземная женщина поглядела на Сабакина без любопытства и интереса. Она захватила большим крючком корзину, подтащила ее к себе и подала механику измазанную углем руку.

Сабакин вылез. Женщина надала плечом на вагонетку, опрокинула ее и начала лопатой насыпать уголь в корзину.

Механик осмотрелся. Во все стороны шли широкие подземные улицы. По улицам были настланы доски, по доскам лошади тащили вагонетки с углем. Редкие тусклые ночники освещали темные проходы.

Слой угля в шахте был, очевидно, не менее двух аршин с четвертью. Потолок подземных ходов каменный и казался штукатуренным.

Мимо Сабакина проходили измазанные углем люди со слюдяными фонарями. Из тьмы вышел рабочий в кожаной шапке. Сабакин протянул ему записку. Рабочий осветил бумагу фонарем, долго читал и, ничего не сказав, повел механика за собой.

Шли долго. По ходам тянуло ветром, но не вольным ветром поля, а подземным сквозняком.

Лев Фомич шел и соображал: костер на дне шахты разве-ли для вентиляции, воздух над костром согревается, подымается вверх и создает тягу. Значит, с другой стороны шахты есть еще ствол. Глубина шахты, вероятно, около девяноста сажен. Проветривать ее трудно. Но как рискованно разводить огонь в шахте с деревянным срубом! Ведь кругом уголь! До чего здесь не берегут людей!

Провожатый остановился. Сабакин вошел в подземную комнату.

В комнате стоял большой кирпичный камин, в камине горел каменный уголь.

Все было похоже на обычную английскую таверну.

За столом сидел полный человек — надзиратель.

— Чаю или пива? — спросил он.

— Я устал и отдохну охотно, если вам надо время для того, чтобы приготовить шахту к осмотру, — ответил Лев Сабакин.

— Наша шахта готова всегда! — ответил надзиратель. — Смотрите что угодно, у вас хорошая рекомендация. Это одна из самых больших шахт в Англии. Уже скоро сто лет добывают из нее каменный уголь. Наши штольни подошли под море, над нами проходят корабли, которые везут вам в Россию машины.

— И везут железо от нас по бурному морю, — ответил механик.

— Своды нашей шахты выдерживают бурю, — продолжал надзиратель. — Вы можете здесь считать себя в безопасности.

как будто вы осматриваете Лондон! Я вам все покажу. Но, может быть, вы сперва выпьете чаю?

— Нет, идемте.

— Сперва мы посмотрим казармы холостых, потом помещение семейных рабочих.

Рабочие шахты жили под землей. Казармы для холостых были устроены рядом с конюшней для лошадей. Лошади, спокойные, почти все слепые, стояли у яслей и мирно жевали сено. Под ногами лошадей лежала солома. Нары рабочих — чистые, но ничем не покрытые. Для семейных устроены перегородки. За перегородками стояли деревянные кровати, люльки, столы.

Все было так, как наверху, в бедной деревне, но тонуло во мгле. Свечи рабочие покупали у надсмотрщика и экономили их.

Широкие улицы шахты тянулись на много верст; от них в сторону уходили низкие лазы. В лазах тоже ползали люди: там было низко, каменный уголь рубили лежа, вытаскивали его оттуда ящиками.

Рабочий тащил ящик, прикрепив его к себе цепью. Полз рабочий на четвереньках; обычно это был мальчик.

Дорога наверх для рабочих шла по ряду лестниц с редкими площадками. Подыматься было трудно. Подымались с углем: уголь несли за спиной в корзинах, а тот, что не помещался в корзине, глыбами клали себе на голову. Носильщики так привыкли к грузу, что каменный уголь редко падал вниз и глыбы почти никогда никого не ранили.

Без груза редко кто подымался.

Было не холодно, но сыро и темно. Тьма была чуть-чуть разбавлена редкими огнями.

Сабакин ползал и лазил по шахте.

Надсмотрщик напомнил ему:

— Я дам вам провожатого к выходу. Надеюсь, вы всем довольны? У нас одна из самых глубоких шахт в Англии! Обратите внимание, сэр: мы ничего не берем с рабочих за то, что они живут у нас в шахте. Правда, нары и перегородки они делают сами. Роберт, ваш провожатый, живет здесь уже сорок пять лет.

Роберт был спокойный старый человек. Большая седая борода его вся была вычернена углем. Он шел спокойно, как слепая лошадь.

Путь был долог и преграждался воротами. Около каждого ворот дежурил в темноте мальчик лет девяти-десяти: по сигналу

он открывал створки. Тогда навстречу дул ветер. Потом мальчик запер створки и оставался во тьме.

— Сколько вы зарабатываете, господин Роберт? — спросил Сабакин.

— Я старый человек, — уклончиво ответил провожатый, — и не хочу быть выброшенным на землю. Я никогда не жалуясь.

— Разве вам не скучно жить всегда под землей?

— Я привык. Я не боюсь... Нет — я боюсь, я боюсь остаться под открытым небом, уважаемый сэр. Нищие должны содержаться советами приходов, и мне никто не даст жить нигде наверху, где хватает своих нищих. Меня зареют когда-нибудь здесь, если все будет благополучно, если не будет большой безработицы и господин Ребек не будет сокращать рабочих.

— Сколько же вы зарабатываете?

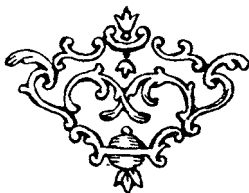
— Если вы хотите дать мне шиллинг, сэр, то дайте. Уверю вас, что хотя я ничего не плачу за помещение, но после того как я покупаю хлеб и сыр, я уже не боюсь потерять деньги.

Открылись ворота. На дне второй шахты серел свет. Здесь каменного угля не жгли. Этот ствол предназначался для спуска воздуха, а тот, через который спустился Сабакин, был устроен так, что имел восходящий ток воздуха благодаря костру на дне.

Легкая корзина приняла тверяка. Слегка качаясь, подымалась она вверх. В светлеющем небе исчезли звезды.

Лев Фомич заглядывал вверх. Вот показались солнечные отблески на бревнах сруба, вот оно само, солнышко, и синее небо, и как хорошо пахнет полем!

Как счастливы люди, которые живут не под землей!

ГЛАВА 14-я,

рассказывающая о беседе отца Якова Смирнова с тульскими мастерами

Отец Смирнов был не только постоянным секретарем русского посланника графа Воронцова, он совершал еще богослужение в посольской церкви и давал разные справки юридического характера.

Дома отец Яков Смирнов ходил в синем шелковом кафтане, шелковых чулках, хороших башмаках, но распускал длинные волосы, не покрывая их париком и не заплетая их в косу. По тогдашнему обычаю, волосы, заплетенные в косу, прятали в специальный мешочек или покрывали белым пудренным париком.

Обычаи в доме Смирнова были смешанные: русско-английские. Обедали у них дома в чистой кухне, перед камином. Во главе стола сидел сам отец Яков, по правую руку — его жена, православная англичанка, не говорящая по-русски, но знающая все блюда русской кухни.

Бывали у отца Якова туляки: Алексей Михайлович Сурнин и Яков Леонтьев, которого по отчеству еще никто никогда не называл.

Уже много времени прошло с тех пор, как по бурному, зимнему морю прибыли туляки в Англию. Предполагалось, что будут мастера жить на деньги, присланные из России. Предполагалось, что проживут они в Англии недолго: покажут свое мастерство и вернутся домой.

Но на обратную дорогу им денег не прислали, не прислали денег и на прожитие.

Отцу Якову пришлось устраивать туляков на работу. К его счастью, оказалось, что это не так трудно: туляки зарабатывали хорошо и даже приносили отцу Смирнову подарки за то, что он разговаривал с ними о родине и кормил их русскими щами с бараниной и черным хлебом.

Отец Яков больше любил своего тезку Леонтьева. Леонтьев приходил с утра с подарком, что-нибудь в доме чинил,

помогал по хозяйству, рассказывал о том, что случилось в городе.

Сурнин тоже не приходил с пустыми руками, но держал себя строго, почти важно.

Сегодня пришел Леонтьев с большим приносом: показал он два перстенька — один для протоиерея Самборского, который жил в Петербурге, а другой для самого Смирнова.

Отец Яков рассматривал оба перстня, положив их на широкую белую ладонь.

Перстни отлиты из чугуна; вместо печаток вделаны в них выпуклые стекла, а под стеклом из перышков сделаны птички размером меньше, чем половина мизинного ногтя. Одна птичка красная, другая — зеленая.

Отец Яков держал перстни на ладони, показывал жене и все не мог выбрать, который перстень послать и который оставить.

— Красной птичке, — сказал он, — отец протоиерей больше обрадуется. Впрочем, он и зелень любит, по своему тихому характеру.

— А вы, батюшка, не огорчайтесь, — молвил Яков, — мне так от вас нашу русскую речь слушать сладко, что сделаю я вам еще одну птичку в перстне, и будет у вас пара: и для вас и для матушки.

— Спасибо, Яков, спасибо! Так все же, какую послать: зеленую или красную? И как у нас останется — две зеленых или две красных?

— Оставьте себе разноцветных, батюшка. А я отцу Самборскому сделаю желтенькую.

— Золотую! — вскричал поп. — Так она же будет всех красивее! Ты не смейся надо мной, тезка, я сам понимаю, что жаден, ибо ненасытно дно человеческого глаза.

— Я вам и желтенькую сделаю!

— Я боюсь, — сказал поп, — это невыгодно. Ты что, место потерял?

— Потерял, батюшка.

— Как же ты это так, Яков? — сказал Сурнин. — Что, прохвастал?

— И вовсе я не прохвастал, — сказал Леонтьев. — Дело было вот как...

Отец Яков приготовился слушать, потому что знал, что Леонтьев рассказывает интересно и долго.

— Я, батюшка, — начал Яков, — привез из Тулы клинок

булатный: хорошая сталь нашей работы. Завернул я клинок в тряпочку чистую, пошел на рынок, купил шар костяной из словового бивня...

— Что-то далеко рассказываешь!

— Зато, батюшка, чистосердечно, — возразил туляк и продолжал: — Клинок-то у меня с рукояткой доброй. Пришел я к самому оружейнику Ноку, показываю саблю. Он ее, конечно, покупает.

— Дорого дал?

Леонтьев засмеялся:

— Вот то-то и дело, что я не отдал. Взял я табуреточку, поставил на табуреточку чашку железную, дал господину Ноку в руки шар. Он посмотрел. Положил я шар в чашку, снял кафтан, засучил рукава, примерился. Англичане смеются, а я как гакну! Ударил — разрубил шар, чашку, табуретку и пол попортил! Тут, конечно, они меня на службу зовут, я ту службу беру...

— Так вот почему, Яша, ты с того места, куда я тебя поставил, ушел!

— Я к Ноку ушел, батюшка, и все хорошо было. Нок меня кормит, Нок меня поит, Нок мне кафтан подает. Иду гулять — его племянница — со мной, и подает мне ручку. Прихожу с гулянья — уже готовят горячее пойло покрепче. Сам хозяин меня здешнему языку учит, вместе со мной пьет и целуется...

— Слушай, Яша, — сказал Сурнин, — ты ему секрет булата рассказал?

— Рассказал, Алеша.

— А он тебя прогнал?

— Прогнал, Алеша... То-есть не то что он меня прогнал, но сбавил он мне поденной платы вдвое.

— Так вот откуда твои птички прилетели! — сказал отец Смирнов. — Ну ладно, поставлю я тебя на работу: поедешь ты к берегу моря. Там есть шахта глубокая, так ты на ту шахту не поступай, а рядом есть завод: там пушки лют, гвозди делают. Вот я тебе туда записку дам.

— Черная работа, батюшка!

— А ты, чадо, не хвастай, — сказал священник, — и посмотри со вниманием, какое в Англии положение: безработица!

— Что ж, поеду, — сказал Яков, — не могу я у Нока жить. Больше он со мной не целуется, а как посмотрит на меня — смеется.

— Вот что, Яков, — сказал Смирнов, — сослужи мне службу: если будешь в Единбурге — это там недалеко, — зайди там к одному человеку, русскому, Льву Фомичу Сабакину. Он, небось, по русским соскучился.

— А дело какое к нему, батюшка?

— Подарил я ему шубное одеяло хорошее, из русских овчин. Не то что совсем подарил — дешево продал. Пускай он мне его пришлет: сыро в Лондоне, ноги болят.

— Привезу, если отдаст, — сказал Леонтьев недовольно.

— А у тебя какое дело, Сурнин? Тоже место потерял?

— Нет, батюшка, я так пришел — по уважению.

Сурнин передал сверток, завернутый в черный бумажный платок.

Отец Яков развернул платок, разгладил его на коленях, сложил аккуратно и положил в карман. Потом начал рассматривать подарок: это был кусок тяжелого яркого шелка.

Довольный, отец Яков потрогал рукою доброту ткани и сказал:

— Разве подрясник парадный сделать?

С кофейником в руках вошла матушка — жена отца Якова. Она поставила аккуратно кофейник на стол, улыбнулась, взяла шелк, перекинула его через плечо, поддрапировала, подошла к желтоватому зеркалу в серебряной раме и начала рассматривать себя очень серьезно, крепко сжав губы.

Шелк действительно шел к рыжеватым волосам не старой англичанки. Матушка улыбнулась, достала из сумки связку ключей, подошла к высокому комоду, открыла ящик, свернула шелк и положила его. Задвинула ящик и щелкнула замком.

— Аккуратно, — сказал Сурнин развеселившись.

Отец Яков выбирал, на кого ему обидеться — на Сурнина или на жену, но Леонтьев решил замять неприятный разговор:

— И где же ты, Алеша, такие хорошие деньги зарабатываешь, что богатые подарки носишь?

— Подарки по дому, — сказал Сурнин.

— А все же, Алеша, где ты работаешь и какое ты в Англии ремесло перенял?

— Работаю я, Яша, дома и точу ружейные стволы.

— И зарабатываешь хорошо?

— Да неплохо! Помнишь, Яша, когда мы были в Петербурге, ходил я на Васильевский остров в Кунсткамеру?

— Помню, и меня звал. Дело ведь не в Кунсткамере! Ведь.

не этим же ты деньги зарабатываешь. Небось, ты здесь какую-нибудь тайну узнал?

Сурнин рассердился:

— Хороший ты мастер, Яков, и рассказываешь хорошо, и рука у тебя верная, а пустой ты человек, и ничего ты в жизни не понимаешь! Хотел я тебе одно дело открыть, а теперь не открою!

— А почему не откроешь?

— Потому что ты пустой человек, Яша. Ищешь рукавицы неизвестно где, а они у тебя за поясом!

— Не ссорьтесь, дети мои, — сказал отец Яков, стуча по столу.

Вошла хозяйка, принесла бутылку с вином, бутылку виски, кувшин горячей воды, посмотрела сердито на мужа, помня строгости английского обычая, по которым мужчины после обеда остаются пить без дам.

Отец Яков смотрел на жену торжествующе. Она взглянула на мужа, вздохнула, взяла со стола оба чугунных перстня, один надела на мизинец, другой — на указательный палец, посмотрела на руку и ушла улыбаясь.

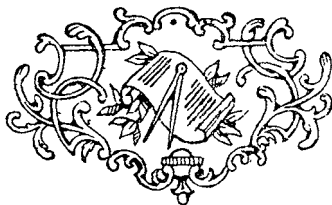
Отец Яков глубоко вздохнул.

— Выпьемте, дети, — сказал отец Яков, — за то, что живем мы ладно, едим сытно, пьем пьяно и пируем без ссор.

— Я выпью, отец Яков, — сказал Леонтьев, — только вот Алеша начал меня задирать, а свое не договорил.

— Ах, Яша, бывают люди: им показывают — они не видят, их зовут — они не приходят. Не знают они, где надо удивляться. Ездят они за далекие моря, а своего не знают...

— Поеду я по Англии, все посмотрю, а ты здесь сиди, и мы посмотрим, кто в конце концов кого перегонит... Посылайте меня, отец Яков, куда хотите, — сказал Леонтьев.

ГЛАВА 15-я,

в которой рассказывается об одном решении, принятом в шотландском городе Эдинбурге

Город Эдинбург расположен на холмах, в трех верстах от Фордской бухты.

Лев Сабакин уже более года снимает помещение в южной части города.

Улицы здесь узкие, дома высокие, и у подножья двухсотлетних зданий сыро и глухо.

Горница Сабакина расположена на четвертом этаже узкого дома. Окна открывали вид на восток, вдали синел замок Голируд, церкви, серебряно-синий залив и над городом и заливом — свинцово-серые думы.

По узким улицам города, трубя, проезжают почтальоны, развозя радость и горе, упакованные в потертых кожаных сумках.

А Сабакину из России не пишут. В России, близ города Старицы, у неширокой Волги, живут жена и двое детей, и пора бы домой. В Петербурге, в академии, часы астрономические не окончены, и труба Ломоносова не восстановлена, и хорошо было бы поговорить со стариком-механиком Кулибиным. А домой не пускают.

Глухо трубят внизу почтальоны.

Пришла раз записка от отца Якова. Начиналась она с благословения, потом задавался вопрос, где овчинное одеяло, а в конце невнятно и неодобрительно говорилось о тульском мастеровом Якове Леонтьеве.

Про отъезд в Россию ни слова.

Сабакин высовывается из окна: нет почтальона, и ждать его напрасно.

Там, внизу, если высунуться, можно увидеть, как ветер качает жестяную вывеску, изображающую панталоны.

Шотландцы в горах, да и в городе, ходят в юбках и совсем без штанов. Англия переделывает Шотландию: она отнимает от нее старые суды, старые обычаи; предводители горных родов

перенимают обычаи английских лордов и присваивают себе сел
щинную землю. Заодно Англия переодевает Шотландию.

Сабакин отошел от окна и сел к столу перед маленьким
карным станком, на котором он вытачивал шестеренки для ча-
сов.

В комнате было холодно. Лев Фомич покрыл ноги истерты
овчинным одеялом.

Там, за окном, — залив, и заря и ветер — с русской стороны.

Сабакин выточил часовую деталь, вставил в глаз лу-
щуясь долго чинил часы и потом, чтобы дать отдохнуть г-
зам, сел за перевод. Он переводил для себя книгу эдинбург-
го профессора Адама Смита «О богатстве народов».

«Законы об ученичестве, — писал Сабакин, — препятствуют
переходу молодого рабочего от одного промышленника к другому
даже в пределах одной и той же местности».

Сабакин задумался. Действительно, нужно ли ученичество
при новых машинах? В мануфактурах работа разделена
столько частей, что овладеть одним каким-нибудь нехитрым
нанием можно в несколько часов. Старый мастер выводится, и
неотвратимо.

В дверь постучали. Сабакин подошел к двери, открыл.

В темноте стоял измазанный угольщик с мешком угля
спиной.

— Угля мне не надо, — сказал Сабакин.

— В горнице у вас холодно, — ответил по-русски уголь-
щик.

— Ты кто такой? — радостно спросил Сабакин.

— А я от отца Якова Смирнова по небольшому дельцу. Мо-
жет, вы про меня и слышали что-нибудь: я Яков Леонтьев,
тульский механик, по прозвищу Левша.

— О вас слышал.

Левша сел за стол, осторожно поставив предварительно ме-
шок с углем перед холодным камином.

Сабакин увидел, что ранний гость его не решается сказать,
из-за чего пришел, да и не в русском обычае было сразу гово-
рить о делах, покамест не поел.

— Может, перекусите, земляк? — спросил Сабакин. — Хлеб
у меня есть, баранина, молоко, водка можжевельная.

— Озяб я, — сказал Леонтьев, — и начну с водки.

— Где же вы работали, Яков... не знаю, как по батюшке.

— А зови меня Яшей — меня так весь свет знает. Работал

у моря на шахте. Глубина той шахты будет полверсты, ну вести сажен.

— На той шахте я бывал, — ответил Сабакин. — Действительно, сильно глубока шахта: скажем, сажен девяносто.

М — Ну, вот видишь, что не вру! Рядом с шахтой — завод Карронский Вилькинсона — точат там пушки, цилиндры для машины, молотом гвозди выбивают...

ИП — Зарботки хорошие?

БА — Я кузнец первой руки и могу выковать тысячу гвоздей в день, а тут при машине мальчишка какой-нибудь непонимающий бьет три тысячи! И, конечно, Вилькинсону при машине выгоднее ставить не меня, кузнеца, а мальчишку за треть платы.

— Значит, зарботки плохие, — сказал Сабакин.

— Но ведь я же не только гвозди бил — я и пушки точил, хотя станки у них плоховаты.

ИП — На Карронских заводах работать интересно, я их смотрю. Там и поучиться есть чему.

ОГ — Это меня учить? — сказал Левша. — Я же туляк, у нас не станки! Батищевские! Ты понимаешь? Но я бы у Вилькинсона работал, да тут произошло войне прекращение, и начав заводы закрывать и говорят всем рабочим: идите куда хотите, только подальше, потому что нам вас кормить без работы невыгодно.

Тут Яков прекратил свой рассказ и посмотрел на Сабакина испуганно.

— Ты меня, Яша, не бойся, мы ведь земляки. По какому ты делу пришел? Работу потерял? Так я тебе, может, работу какую и найду — мелкую.

— Я, конечно, всякую работу могу сделать, — ответил туляк: — и ружье сделаю, и колесо ошину, и для часов, если тебе это подточить надо, подточу. Только дело у меня другое. Порученьице есть у меня к тебе от отца Смирнова: спрашивает он, не отдашь ли ты ему овчину.

— Вот жадная поповская душа! — засмеялся Сабакин. — Неужели он тебя за овчиной послал?

— Видишь ли, Лев Фомич, — сказал Яков, — он-то, конечно, послал, а я-то, конечно, не за овчиной пришел.

— Так в чем же дело?

— Есть такой большой человек, Болтон, и купил он шахту. Купил и закрыл. Говорит — пускай так постоит. Вылезли из шахты люди, которые там, может, десять лет без света жили.

Вылезли они, солнце увидали, стоят черные, а им тоже говорят: уходите куда-нибудь подальше. Нет вам места ни на земле, ни под землею!

— В такие дела иностранному человеку входить нельзя! — сказал Сабакин. — Пускай они сами разбираются. У нас в России свое горе есть, а мы тут не поможем.

— И я так же понимаю, только показалось мне, что все это не по-справедливому, и то ли я, то ли не я первый — прямо не скажу, — закричали мы все и пошли на ихнего главного управляющего. А он нам говорит: «Я не хозяин». А я ему говорю: «Вот мы сейчас стекла выбьем, помещение запалим, и хозяин найдется». Действительно, видим — катит на таратайке хозяин, собой красивый и ласковый, и зовут его действительно Болтоном. «Братцы, — говорит он, — возьмите деньги — двадцать гинеев — и не ломайте машины». Англичане от вежливого разговора обмякли и говорят: «Мы подождем». Начали ждать. Ждем день. Видим — дорога вдали краснеет. Краснеет она и пылит, и в дыму как будто искры: это идут английские красномундирные солдаты и несут ружья со штыками наперевес. Тут женщины-работницы начали плакать, а мужчины побежали в горы. Смотрим — с гор тоже красномундирщики спускаются. Окружил нас Болтон. Начали тут людей хватать, и называется это у них «пресс-ганг» — так набирают матросов в королевский флот.

— Есть такой закон, — сказал Сабакин.

— А я подумал: у меня-то бумаги русские, попадусь — сколько крику-то будет! Да меня же отец Яков с кашей съест, в Сибирь пошлет! Скажет: «Подвел ты мою рекомендацию!» Вижу я, тут баржа стоит железная на якоре. От нее тень. Я в воду прыгнул и в тени за цепь держусь. Когда вынырну, когда нырну. Ныряю, вспоминаю английские законы: «Ах, говорю, гады зеленые, устроили себе жизньюху!» Утром потащили баржу седые бабы по каналу от моря, а я в баржу забрался. Бабы меня нашли. Видят — убегает человек от ихних английских законов, пожалели, накормили. Тянули они меня потихоньку. Потом начали красномундирные солдаты баржи обыскивать. Я — в воду. Вылез — куда деваться? Одно слово помню: Единбург! И вот я перед тобой сижу, Лев Фомич, и делай ты со мной что хочешь, все равно в этой жизни одни убытки.

Сабакин задумался.

Отец Смирнов уже писал про Леонтьева. Отправить Леонтье-

ва в Лондон — там его или англичанам выдадут, или пошлют в Россию с плохими бумагами.

— Слушай, Яков, — сказал Сабакин, — ты прежде всего ешь. В Лондон ты не иди — там, небось, тебя уже ищут.

— Куда же мне деваться?

— Вот говорят, — сказал Сабакин, — во Франции идет большой бунт: говорят, будет там простому человеку легче. Возьми ты у меня денег, есть у меня на кораблях знакомые люди, поезжай ты во Францию — море тут не широко. Пересиди там с год, а тут о тебе забудут.

— Во Францию так во Францию — моря я не боюсь. Может, у тебя есть дело какое во Франции?

— Дело у меня во Франции нет. Будешь в Париже — смотри, как они там по-новому живут, может быть есть там простому человеку дорога в жизнь и справедливость.

— Думаешь, хорошо живут?.. — спросил Левша недоверчиво.

— Славны бубны за горами, — ответил Сабакин, — посмотреть надо.

— Ну что ж, помоюсь и поеду, — сказал Леонтьев.

— Что торопишься?

— На английских кораблях военных, — сказал Леонтьев, — бьют, уча, тонкой веревкой — с первого раза в кровь. Я до этого дела не любопытный.

— Платье я тебе дам, штаны кожаные, одеяло овчинное.

— А самому холодно не будет?

— Здесь зима легкая, — ответил Сабакин, — а тебе через море ехать.

Яков мылся долго и с наслаждением. Помывшись, он завернулся в овчину и заснул.

Проснулся он веселым и порозовевшим:

— Снилось мне, Лев Фомич, Тула. Будто звонят колокола на церкви Николы Заречного, идут по улице мастера в суконных кафтанах, в кожаных сапогах и девки красивые. На парней смотрят и смеются.

— Считай, что этот сон к добру, — сказал Сабакин.

— Я пойду, — сказал Яков.

— Постой, я тебя провожу, у меня корабельщики знакомые. Уходят корабли в море с приливом. Небось, уже скрипят они у берега причалами. Хорошо было бы, Яша, поехать в Россию! Вот прочел я здесь доклад, рассказал, может, что-нибудь, что

не надо было рассказывать, а в России-то моей машины нет... Когда будет?..

— Ну что ж, пойдем, Лев Фомич, лестница у тебя крутая?

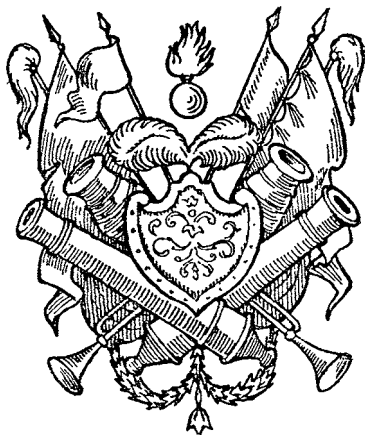
Они начали спускаться. Каменные ступени скользили под ногами, шатался истертый камень. В темноте пробегали кошки.

— Разве я виноват? — сказал Левша. — Загнали меня в чужую страну, держат насильно, не кормят. Кабы я местный был, я бы здесь бунт поднял. Нельзя жить так, как здесь живут, бунтовать надо.

— А дома ты бунтовал, Левша?

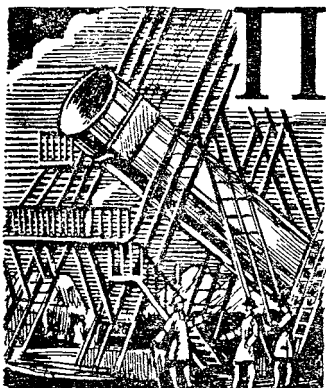
— Собирался, Лев Фомич.

По тихой улице земляки шли вместе, дошли до берега. Знакомый капитан принял Левшу на борт корабля за недорогую плату, будучи уверенным, что Сабакин отправляет своего приятеля во Францию за контрабандой, что считалось совсем не трехом.

ГЛАВА 16-я,

*рассказывающая о заседании Лунного общества в Бирмингеме.
На заседании происходит спор о первенстве в изобретениях и в открытиях*

Полная круглая луна стояла над Бирмингамом, освещая холм за черным каналом. Каждый камень, каждая травинка отпечатались тенью на истоптанной земле.

На дворе усадьбы стояло странное сооружение: два ряда толстых бревен, скрепленных укосинами, на бревнах сверху лежал вал, а к нему на корабельных блоках была подвешена огромная медная труба, направленная на высокую луну. Все сооружение было водружено на платформу. Платформу можно поворачивать на катках.

Под трубою, которая при свете луны сверкала желто-синим блеском, был устроен балкон. На балконе стоял человек в белом парике и смотрел в тонкую трубку, которая косо пронзала бок большой трубы.

Внизу, под плодовым деревом, сам Уатт, закатав рукава белоснежно чистой рубашки, варил на углях вино с сахаром и пряностями. Около дерева стоял стол, накрытый белой скатертью. На столе сверкал хрусталь, слабо желтели лимоны и синим блеском сверкала серебро.

За столом сидели Болтон, рядом с ним — Джон Вилькинсон, знаменитый фабрикант стальных изделий, красавец Веджвуд, владелец фаянсовой мастерской, и мастер Болтона — Мердок. Рядом с Мердоком сидел Сабакин, гостем.

Все сидели здесь как равные — это было заседание Лунного общества.

— Господин Сабакин, подымитесь сюда! — сказал человек в парике с высокого балкона.

— Сейчас, господин Гершель, — ответил Сабакин, легко взбега по скрипучей лестнице.

Сабакин заглянул в окуляр. На дне большой трубы в косо поставленном огромном зеркале сверкала ничем не омраченная

луна; видны были кратеры на ее поверхности и какие-то трещины, похожие на реки. Луна была здесь, совсем рядом, как будто еще более близко, чем серебряные тарелки и темный веджвудский фаянс, стоящий на столе.

— Это моя луна, — сказал Гершель. — Только через мою трубу она так видна!

— Хорошая труба, — ответил Сабакин. — Ломоносов делал такие много лет тому назад.

— Я ничего не знаю о Ломоносове, — ответил Гершель, — я знаю только свой сорокафутовый телескоп. Зеркало для него диаметром в четыре фута помог мне построить добрый король Георг Третий — мы с ним земляки-ганноверцы. Немецкий принц попал на английский престол и помнит о своих бедных немцах-соотечественниках. Он помог создать мне эту трубу.

— Хорошая труба! — сказал Сабакин.

— Я открыл при помощи ее, — продолжал Гершель, — шесть лет тому назад новую планету и назвал ее именем Георга Третьего.

— Я решусь сказать, — сказал Сабакин, — что лесть залезла на небо.

— Это не лесть, а слово благодарности. Но теперь у меня неприятность: эту планету называют Ураном. Так придумали астрономы, не понимая, что мой король обижается.

Сабакин улыбнулся.

— Его величеству королю придется долго хлопотать, — произнес он: — корабли Англии не умеют плавать по небу и ваше небесное завоевание трудно будет сохранить.

— Господа, глинтвейн готов, спуститесь вниз! — закричал Уатт.

— Вы не ответили, господин Гершель, известно ли вам имя и дела Ломоносова, — громко сказал Сабакин.

Гершель ответил уклончиво:

— Вы правильно произносите мое имя. Иногда меня называют Гаршелем и даже Горшелем.

— Я спрашиваю вас прямо, — повторил Сабакин: — читали ли вы описание трубы, сделанное господином Ломоносовым? Это описание было разослано в 1762 году во все академии.

— Это моя труба! — ответил Гершель. — Я сам полировал четырехфутовое зеркало.

— Вы искусны и трудолюбивы, — ответил Сабакин. — Но больше двадцати пяти лет тому назад, милостивые государи

мой, члены Лунного общества... я говорю вам, английским ученым, не только одному господину Гершелю... труба Ломоносова с наклоном поставленным зеркалом была сделана нашими учеными и показывалась. Ее описание на латинском языке было всюду разослано.

— Я тогда не занимался еще астрономией, — сказал Гершель.

— Слава вам, господин Гершель, — я знаю, что вы великий астроном, но почему вы не назвали эту планету именем великого вашего предшественника Михайлы Ломоносова? Тогда бы люди увидали справедливость ученого!

— Ломоносов! Петербург!.. Белые медведи... Зависть!.. — сказал Гершель, открывая рот и показывая зубы. — Посмотрите на мои зубы, мастер, они сточены тобоем. Я играл в оркестре, давал уроки, моя бедная сестра не вышла замуж, чтобы я мог работать, и вот я первый в мире увидел новую планету.

— Через трубу Ломоносова! — сказал Сабакин. — Эта планета, — продолжал он, — была вычислена и занесена в каталог Фламинтидом еще в 1690 году, но только труба Ломоносова позволяет ее видеть в небе постоянно.

— Господа, — сказал Гершель, — этот человек хочет, чтобы звезда называлась именем русского! Он говорит о каком-то архангельском бауэре Ломоносове, о котором, может быть, я никогда ничего не слышал.

— У него кружится голова, — сказал Болтон снизу. — А звезду надо назвать именем Уатта: пускай она будет памятью о нашем заводе — я давно уже мечтаю о такой фабричной марке.

Гершель сердито спускался, потряхивая седым париком.

— Наш первый тост, — сказал Болтон, — за друга нашего Гершеля. Оставим споры о первенстве. В нашем деле побеждает тот, кто умеет не только выдумать машину, но и построить ее и повторить ее для продажи. Уатт — победитель, потому что он вместе со мною торгует паровыми машинами. Выпьемте, друзья, за гения коммерсанта, который дает жизнь изобретателям!

— Теперь мой тост? — спросил Сабакин.

— Подождите, друг, сейчас тост Уатта.

— Болтон говорит хвастливо, — сказал Уатт, — а меня не оставляет забота. Мы не умеем еще резать и точить металл. Точность выделки зависит только от руки рабочего. Я пью за

того, кто избавит резец от дрожания!.. Теперь ваш тост, Вилькинсон.

— Я пью за завоевание новых стран, за вооружение кораблей, которые помогут своими пушками нам торговать.

— Я не хочу чокаться с вами, — сказал Болтон: — я узнал, что вы на своем заводе делаете наши машины, продаете их на сторону и не платите мне за патент.

— А почему паровая машина ваша? Может быть, и луна ваша? Вот вы уже покупаете луну у Гершеля!

— Не надо ссориться! Ломоносов, о котором вспомнил господин Сабакин, в самом деле был большим ученым, — проговорился охмелевший Гершель.

— Спасибо, друг! — сказал Сабакин. — Ломоносов еще в 1761 году, 26 мая, вместе с другом моим Кургановым наблюдал с колокольни прохождение планеты Венеры через диск солнца. Они установили наличие превеликой атмосферы, ту планету окружающей. Друг мой, почему вы спустя столько лет объявили, что это открытие ваше?

— Но ведь я тоже смотрел со своей колокольни! — смеясь, ответил Гершель.

Луна все подымалась. Лишенные тени, вещи становились легкими на взгляд, и серебро казалось прозрачным.

— Не будем ссориться, — сказал Гершель. — Ваш тост, господин Сабакин! Вы хороший человек, и я хотел бы иметь такого помощника.

Сабакин налил вина.

— Люди науки должны быть справедливыми. Так восстановим же славу Михайлы Ломоносова на небе, закрепив его имя за этой трубой и планетой, которую одни зовут Ураном, а другие Георгом.

— Боже мой, как обиделся бы король! — сказал Гершель. — Я сразу стал бы бедняком... Но я пью за ваше великое упрямство.

— Я пью за каронады! — сказал Вилькинсон. — Тяжелое ядро, выпущенное из короткой пушки в высокий борт корабля, решает любой спор, поскольку этот спор происходит в море.

— Пушки имеют здесь дипломатических представителей, — сказал сердито Сабакин. — Ладно! Я пью за то, чтобы станки и пушки моей страны были самыми лучшими!

— Мой завод перегонит Урал и Тулу, — сказал Болтон. —

Я пью за заводы, за прибыли, за прибыли во время войны и после мира, а споры о первенстве решаются силой. Мы завоюем любое имя. Гершель — англичанин. Ломоносов — ваш, но имя его будет забыто!

— Не будет! — сказал Сабакин.

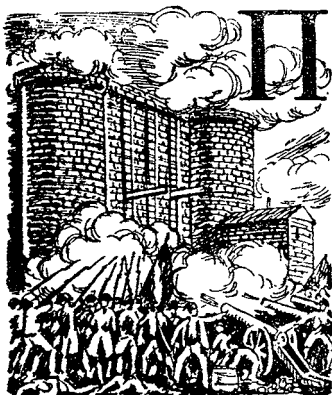
Спорили люди лунною ночью в городе Бирмингеме, пируя рядом с большим телескопом.

В этот год Франция сражалась с Англией. Англия уже готовила флот для нападения на Россию, готовилась, но не решалась объявить войну, потому что грозно было имя Суворова и грозны были станки русских заводов.

ГЛАВА 17-я,

*действие которой происходит через год после заседания Лунного общества.
В этой главе рассказывается о войнах и революции*

о улице Лондона шел не старый человек в длинных штанах навывпуск и широкой блузе. Он шел, смотря по сторонам; остановился и долго читал на стене надпись мелом.

Человек в длинных штанах был, очевидно, не сильно грамотный. Он читал, шевеля губами, потом сообразил что-то и засмеялся, довольный.

На стене было написано мелом: «Не позволим Питту втянуть Англию в войну с Россией!»

Человек пошел быстрее, свернул в узкий переулок, поднялся по железной крутой лестнице и постучал в обитую железом дверь.

Дверь открылась. В дверях стоял Алексей Сурнин, слегка пополневший, возмужавший.

— Здравствуй, Леонтьев! — сказал он. — Ты откуда? Лев Фомич говорил, что ты в Париж ездил? Ну как, Яша, стал ли умней? И поймал ли ты за хвост чужеземную жар-птицу?

Леонтьев оглянулся.

Комната была почти пуста. В глубине — кровать без полог, в углу — какой-то станок, тщательно покрытый покрывалом из полосатой материи.

— Садись, Яша, — продолжал Сурнин. — Поешь с дороги. Леонтьев не знал, с чего начать.

— Дела в мире, друг, большие. Вот я к тебе шел и не один раз прочел на стенах — где мелом написано, где углем: не хотим, мол, воевать с русскими.

— Это, Яша, большое дело, — ответил Сурнин. — Пишут эти слова английские работные люди. И Англия воевать с нами не будет: во-первых, народ не хочет воевать, а во-вторых, английские господа и Суворова побаиваются, и русских штыков и пуль.

— Я тебе про большие дела сейчас расскажу, — сказал Леонтьев.

— Рассказывай, я знаю, что тебе не терпится. Ты рассказывай, а я на стол соберу.

— Приехал это я, — начал Леонтьев, — со своего страха в Париж. Языка я и ~~ни~~ не понимаю. Пошел в кузницу, поработал по-тульски, и меня приняли. Сперва узнал все слова про железо, потом — как пить и есть просить. А через полгода заговорил прямо обо всем, и все даже начали на меня удивляться. Понял я, что французы хотят своего короля стряхнуть сверху вниз, а самим жить без дворян. А король, конечно, того не хочет, и у короля наемное войско, и крепость посередке города, как у нас в Туле кремль, только побольше, повреднее и зовется Бастилией. И там сидят арестованные. Народ — свое, король — свое. Мы пошли на арсенал, на оружейные лавки, изгороди начали железные ломать на пики и пошли на бастильские башни. А их, Алеша, восемь, а перед ними — ров. И вижу я, что их взять невозможно, и закричал я русское «ура», а мост цепной поднят, и прыгнул я вместе с другими в ров — и к мосту; начали мы на нем цепи рубить, и народ тут побежал, и кто кого впереди, я не знаю: хвастать не буду. И взяли мы эту Бастилию и освободили всех, какие были, арестантов, а коменданту отрубили голову — подняли голову на пику, а я той голове говорю: «Жалко мне тебя, старик, но такое дело, на то оружие есть, чтобы голову рубить, и хорошо, что оружие пригодилось не для королевского дела, а для дела простого народа». Тут все к народу начали ластиться, и даже брат королевский, дюк Орлеанский, взял себе имя Эгалите, что значит «равенство». И я у него во дворце был — беспорядок, мусор, все набросано, и я одну вещичку там взял. А взявши ее, я сюда поехал...

— А ты не хвастаешь, Яша?

— Немного и прихвастнул. Но у меня и дело есть.

Леонтьев открыл мешок, вынул из мешка овчину, из овчины вынул сделанное из стали приспособление для держания резца.

— Видишь, Алеша, теперь резец рукой держать не надо. У дюка Орлеанского это лежало без понимания, а я же туляк! Яков вынул из мешка резец, закрепил в каретку.

Сурнин не посмотрел на приспособление, поставил на стол тарелки, блюдо с мясом и налил пива в оловянные стаканы.

— Ты что, Алеша, не удивляешься? — робя, сказал Леонтьев.

Сурнин подошел к окну и снял покрывало со станка.

Леонтьев увидел: чугунный стол, к чугунному столу приделана педаль для вращения станка, к педали приспособлен шатун, передающий движение на вал станка. На станке закреплено между центрами пистольное дуло, резец прилажен к суппорту.

Сурнин привел педаль в движение, суппорт пошел в сторону, снимая стружку.

Леонтьев ахнул.

А суппорт шел сам. Дойдя до конца, включил третью шестерню, дуло начало вращаться в другую сторону. Суппорт с резцом пошел назад, снова снимая стружку.

Леонтьев стоял разинув рот.

— Вот какую ты Бастилию взял! Ай да Тула! — сказал он. — И такое дело одному придумать!

— Придумал я не один, — ответил Сурнин. — Я, Яша, смотрел нартоковский станок: там резец закреплен. Отсюда и пошла французская каретка, которую ты привез. Переделал я станок, работал на англичан, зарабатывал по двести гинеев в год, а теперь еще с Сабакным посоветовался. Вот, доделал!..

— Значит, я искал рукавицы, — сказал Яков, — а они у меня за пазухой были... И что это за жизнь! Одни убытки!..

— Так вместе едем домой?

— Вместе, Алеша, только я не приеду в Тулу, как ты, с большим подарком. А ты пока, Алеша, держись поаккуратнее: ты не замечаешь, а рядом с домом твоим неведомые люди ходят. Хотя что у тебя найти можно!

— Едем вместе, Яша. Со станком еще работы много будет и войны будет много — найдется место и для твоих выдумок.

— Хороший ты человек, Алеша, верный друг! Проси ты у Воронцова, чтобы дали мне в Россию паспорт.

На том и попрощались туляки.

ГЛАВА 18-я,

в которой рассказывается об отъезде Сурнина и Сабакина на родину

Зима 1792 года пришла с холодами, со снегом, с вьюгами, как будто напоминая о России.

Занесло дороги. Несколько дней в Лондон не приходили дилижансы. Темнорадужная Темза текла среди снежных берегов.

В кабинете русского посла графа Воронцова ярко горел камин. Граф читал газеты, специально для него согретые над огнем. Граф Воронцов читал о том, что в парламенте спорят о России, под-
считывают силы.

Теперь, когда флот адмирала Ушакова разгромил турецкий флот, английская биржа считает, что вряд ли Турция заслуживает поддержки.

Газеты писали о великом штурме Измаила, о хладнокровии фельдмаршала Суворова. На других страницах газеты рассказывалось о парижских делах: гроб Вольтера, знаменитого французского писателя, перенесен был на усыпанную цветами площадь, которая была устроена там, где прежде возвышались башни тюрьмы Бастилии. Над гробом была надпись: «Прими, Вольтер, в этом месте, где тирания держала тебя в тюрьме, почести от свободного отечества».

Все эти дела волновали графа.

Мягко ступая, вошел слегка постаревший отец Яков и доложил графу:

— Ваше сиятельство, вас господин Сурнин спрашивает.

— Господин? — переспросил Воронцов.

— Господин, — не поправился отец Яков. Называя Сурнина уважительно, он явно настаивал, что принять надо. — Алексей Михайлович имеет к вам важное дело, — добавил он.

Вошел Сурнин по зову графа, стал у двери.

— Ваше сиятельство, — сказал он не тихо, — настойчиво прошу о разрешении вернуться в Россию, а не то мне может быть здесь нехорошо.

— Друг, — сказал граф, — чем тебе плохо? Жалованье ты получаешь от хозяина своего свыше двухсот гинеев, уважение ты видишь от всех полное. О тебе скоро весь Лондон будет говорить. Да ты садись, Алексей Михайлович, что ты у дверей стоишь?

— Спасибо, — сказал Сурнин садясь.

— Будем говорить откровенно, — сказал граф. — Такие люди, как ты, поддерживают уважение к нашей стране и мне здесь нужны.

— Ваше сиятельство, — ответил Сурнин, — где мне... Суворов наш уважение поддерживает. Я думаю, в Лондоне скоро по-русски научатся говорить.

— Ты куда же торопишься, Алексей Михайлович? Живу же я здесь и не прошусь!

— Ваше сиятельство, как полагаю я по чтению газет, великие будут в мире войны, и нужно будет России оружие. А я и Лев Фомич работаем по станкам, значит нам тоже дело есть.

— Что, Сабакин пришел? — спросил граф.

— Дождидается, — ответил отец Яков.

— Куда ты торопишься? — повторил граф. — Вот, небось, Леонтьев не просится. Сидит здесь, говорят — за фабрикантову племянницу сватается!..

— Яков Леонтьев вашему сиятельству челом бьет и просит слезно, чтобы пустили его в Тулу работать на родном заводе.

— Не пущу, и просить не смей! В России своих бунтовщиков много. Я ему разрешу, а скажут, что это подсыл бунтовского человека. Твой Яков по Франции мотался, Бастилию брал! Нет ему возврата!.. Ну, отец Яков, зови Сабакина.

Вошел Лев Фомич.

— Что вы меня все покидаете? — сказал граф. — А я вот о вас написал. Думаю, что скоро вам жалованье пришлют.

— Домой отпустите, ваше сиятельство, — ответил Сабакин. — Читал я, что Кулибин мост в один пролет через Неву ставит. Это значит сто сорок сажен. Значит, надо бить сваи. А у меня для этого машина есть. Да и станки я кое-какие измыслил. Голова моя может пригодиться.

— Надо ли тебе, Сабакин, ехать? — сказал граф. — Напечатал ты в России книжку «Малое здание»...

— В этой книжке вреда нет, ваше сиятельство: астрономия для детей!

— Вольнодумна!.. Сиди лучше здесь.

— Войну предчувствую. Хочу машины делать.

— Ну ладно, отпускаю вас на свой страх. Поезжайте! А Леонтьева не пущу. Ты, Сабакин, поезжай на Урал, в тихое место. Справку я тебе дам на Ижевский завод самую добрую, и кстати, любезный, тебе сто фунтов стерлингов присланы — давно уже у нас лежат, возьми на дорогу.

— Изъявляю чувствительную благодарность, — сказал Сабакин.

— Ты, Лев Фомич, пойди, я тут с Сурниным поговорю.

Сабакин вышел.

— Бумаги есть самые тайные, — сказал Воронцов, подойдя близко к Сурнину. — Не могу я их доверить даже дипломатической почте. Дам я тебе пакет, и вези ты его так, чтобы он никому не попался.

И действительно, Сурнин повез с собою документы. Отдельно пошло о нем в Петербург донесение, где его весьма хвалили, говорили о его успехах и патриотическом рвении.

Сам же Сурнин ехал как мастерской, потерявший место, в трюме.

На палубе корабля стоял Сабакин.

Покрытые снегом берега Темзы уходили вдаль. У маяка они стали невидимыми, потом показались меловые скалы, белые, как снег, потом Англия совсем ушла в туман.

Корабль шел к северу. Океанская зыбь, стиснутая берегами Ла-Манша, путанно качала корабль. В трюме качался фонарь, и обрешетка фонаря тенью по-разному пересекала стену трюма.

Наступила ночь.

Ночью в Лондоне отряд полиции по специальному ордеру обыскивал квартиру Сурнина: нашел кусок железа и шестеренки. Железо то было послано на дальнейшее расследование.

А корабль с Сурниным шел на Россию.

У Сабакина на верхней палубе уже три раза обыскали багаж.

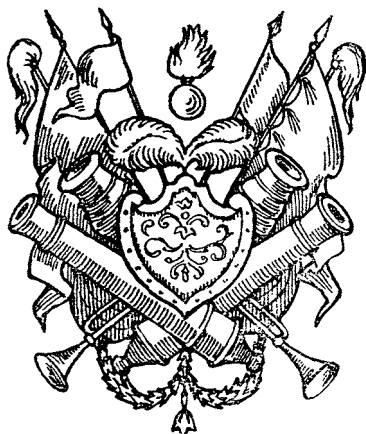
Полная луна висела над океаном и тянула к себе волны; направо синел французский берег.

Думал Сабакин, как примут в Петербурге, удастся ли ему поставить в Туле новую свою машину или в самом деле придется поехать на Урал.

К утру в тумане просерело бледное, как будто талое, солнце. Вдали показался низкий берег Голландии. На берегу ветряные мельницы машут крыльями, откачивая воду из-за дамб. На дамбах растут деревья, склоняя ветви.

Монотонно и упорно скрипит мачта; ветер гонит корабль.

В трюме Сурнин угощал соседей водкой, ругал английскую безработицу и горькую жизнь мастерового, который никак не может выбиться в люди и никогда за свою жизнь не отмоеет рук от ржавчины и железа.

ГЛАВА 19-я,

рассказывающая про Санкт-Петербург и механика Кулибина

В Кронштадте Сурнин велел доставить багаж к Мартышке и пошел туда.

Сабакин, мытый и прибранный, уже сидел у окна в трактире.

— Мартышка помер, — сказал он печально Сурнину.

В трактире на столе лежали газеты, прокуренные и запятнанные. Новостей было много: главная та, что умер сурнинский покровитель — князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический.

Из Франции сообщалось, что в Национальном собрании заслушаны обстоятельные донесения о защите Франции от нападения.

Сабакин передал газеты Сурнину.

— Вот, прочти, — сказал он, отмечая ногтем одно из объявлений.

Сурнин прочел:

— «Из дому господина подполковника Михайлы Петровича Нарышкина, стоящего в шестнадцатой части первого квартала под номером 60, сбежал находящийся в оном доме крестьянин калужской его вотчины, сельца Тина, зовут Федосий Васильев, ростом два аршина семь вершков, лицом бел, рябоват, темно-рус, волосы на голове острижены, борода большая, клином, от роду 53 года, и ежели он где явится и станет называться выходцем из-за границы, в том ему не верить и прислать куда следует». А вот это уже и незаконно, — сказал Сурнин, продолжая читать: — «Желающие продать мальчика не старше 12 лет могут явиться в дом князя Петра Ивановича Одоевского, к живущему в сем доме немцу-перчатнику господину Шульцу».

— Не имеет права иностранец покупать людей нашей веры, — сказал Сабакин.

— Значит, имеет! — сказал Сурнин.

— Обидно читать, что человека продают. Я сам крестьянский сын, звали моего старика Фома, и бороду он носил тоже клином.

— Не ропщи, Лев Фомич!.. Скучно, однако, здесь, в трактире, без Мартын Мартыныча. Посмотрим еще, что нам Питер скажет.

Расспросили наши механики про мастеров — Дмитриева и Борзых.

Половой сказал, что посланы они на завод, недавно открытый англичанином Бердом.

— Идемте на галиот, Лев Фомич, — позвал Сурнин.

Галиот плыл по осенней ряби залива. Там, в кронштадтской стороне, из воды возвышалось и дымило здание огненной машины, похожее на военную шляпу с перьями.

В стороне прошла Галерная гавань с серой стаей низких судов.

Галиот пристал к берегу Невы, около устья Фонтанки.

Сурнин и Сабакин погрузили свои пожитки на попутную телегу, решив поехать ночевать на Охту к знакомому туляку.

Ехали мимо моста около Исаакиевского собора.

Баржи понтонного моста глубоко осели в воду: через мост медленно двигался сквозной деревянный многосаженный горб. Его тянули люди, низко нагнув белокурые головы.

В стороне шел спокойный человек — бородатый, длинноволосый и одетый тщательно, но по-старинному.

— Здравствуй, Лев!

— Здравствуйте, Иван Петрович.

— Откуда?

— С Лондона. У вас что?

— Вот, мост везу ненужный.

Деревянное сооружение медленно сползло с настила и, подрагивая, ступило на сосновые кругляки, положенные поверх булыжника набережной.

— А я приехал, — сказал Сабакин растерянно, — сваи под ваш мост бить.

— Не придется.

— Что, не показалась модель?

— Выдержала она три тысячи пудов тяжести, и еще положили на нее кирпича пудов пятьсот, и профессоров иностранных на нее налезло множество, а она и не скрипнула: значит, может носить она великие тягости. Одобрил ее санкт-петербургский академик Эйлер.

Сабакин посмотрел на модель. Она состояла из решетчатых ферм, сделанных из брусьев, взаимно врубленных и стяну-

тых болтами; проезд, сделанный внутри модели, почти горизонтален.

— Небывалая вещь! — сказал механик. — Может, только отложили стройку?

— Строить и не будут — говорят, дорого, да и страшно: за морем не опробовано.

— Так пускай у нас пробуют.

— Пробовать чужими губами хотят, а я-то уже новый мост придумал — чугунный, тоже решетчатый.

— Куда везете?

— На Шпалерную улицу: там дворец покойника Потемкина. При дворце пруд: Лиговка-река запружена. Через пруд перекинут будет мой мост, на удивление лягушкам. Так и кончилось все. И ты, Алеша Сурнин, и ты, Лев Сабакин, не воюйте много: плетью обуха не перешибешь. Прощайте, ребята!

— Господин Кулибин, — возразил Сурнин, — у нас в Туле и у вас в Нижнем Новгороде разве так говорят и так поступают?

— А как у вас поступают?

— А у нас, господин Кулибин, дерутся до последнего. Я сто раз подметки к сапогам подкину, на всех лестницах ступени сотру, а что придумал — на заводе попробую.

— Он молодой, Лев Фомич, — сказал Кулибин про Сурнина.

— Он правильный, — ответил Сабакин.

Кулибин потер рукавом губы и сказал:

— Так поцелуемся мы все трое тут, на улице. Не пропадет наша работа!

— Не пропадет, господин Кулибин!

Они поцеловались.

Сабакин и Сурнин сели в телегу, обернулись.

Мост и издали казался легким, стройным и прочным.

Вокруг все переменилось: Нева текла в прочных стенах гранита; надиво выделанные набережные казались частями машины, сработанными на огромном станке.

Над скалою махом поднялся всадник и, простирая руку на север, возвещал о победах Петра и о торжестве искусного литейщика, отлившего изваяние.

Осенние, по цвету похожие на отожденную медь деревья Летнего сада казались через решетку такими стройными, что

похоже было, будто кто-то хотел снять с деревьев модель и измерял их для этого с небывалой точностью.

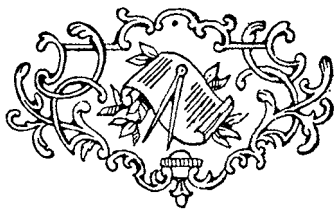
— Восемь лет не даром прошли, — сказал Сабакин.

— Старика Кулибина жалко, — ответил Сурнин. — Пойду докладывать про станок свой в Коллегии. Хотьбы мне будет много.

— Может, тебе, Алеша, на Коллегию денег дать? — спросил Сабакин.

— Не надо, — ответил Сурнин. Он полез в карман и достал связку чугунных перстней, нанизанных на медную проволоку. — Мне Яша на дорогу подарил перстеньки с птичками, зелеными, желтыми и алыми; сказал: дари начальству, пускай носят, только бы твоей работе ход дали.

— Дальновидный Леонтьев парень, — улыбнулся Сабакин. — Понимает он людскую мелкость.

ГЛАВА 20-я,

в которой кончается история Алексея Сурнина. Начинается история Павла Дмитриевича Захаво и продолжается повесть о создании русского токарного станка

По приезде Алексей Сурнин не сразу отправился в Тулу, потому что был связан хлопотами с Петербургом; он начал свою работу с Сестрорецкого завода, расположенного рядом со столицей.

В 1794 году Сурнин был назначен надзирателем всего оружейного производства в Туле, получив чин титулярного советника.

В музее Тульского оружейного завода, расположенного на берегу старого заводского пруда, теперь покрытого зеленью, сохранились две сестрорецкие модели токарных

станков: на обеих моделях — суппорты, в которых закреплены самоходные резцы.

В одной из моделей работает сразу три резца, из которых каждый снимает стружку, все более и более глубокую.

По прибытии в Тулу Сурнин сделал и другие специальные токарные станки, которые потом поступили на завод Берда для массового пуска их. Английский патент на самый примитивный станок с суппортом был взят в 1795 году, несколько лет спустя после изобретения Сурнина.

Никто не знал, что в Туле и Сестрорецке строятся машины, которые могут решить судьбу и исход будущих битв.

Царствовал Павел, строил дворцы, перекрашивал шлагбаумы, муштровал солдат и ссорился с Суворовым, но был убит в Михайловском дворце.

Англия воевала с Францией; во Франции богатели купцы, сменялись правительства: Директория сменилась консульством. На лионских тканях появились сперва вытканые изображения пчел, как знак трудолюбия, потом сменились они изображением орлов, как знака войны.

Вооружалась Франция, мечтая о мировом владычестве; вооружалась Англия.

Прожил Сурнин в Туле семь лет, вооружая русскую армию, сражавшуюся с Наполеоном.

Бледнолицый генерал Бонапарт из пушек расстрелял восставших рабочих предместья Парижа, стал во Франции консулом, потом назвал себя императором французов и начал завоёвывать земли для французских купцов.

Англия, защищая свои колонии, свои торговые рынки, нанимала чужие войска, устраивала союзы, боролась с Наполеоном.

Рассыпались государства. Под Аустерлицем молодой император Александр принял командование из рук генерала Кутузова и привел нашу армию к поражению.

Но устояла Россия. Снова были собраны и вооружены полки.

Ученик Николаевского мореплавательного училища, сын мелкопоместного черниговского дворянина Павел Дмитриевич Захаво работал в Черноморском флоте.

Для Черноморского флота копали каменный уголь; в Херсоне были построены канатные заводы, пушечный литейный завод с плавильными печами и станками для сверления. На Буге работали пороховые мельницы. Железо доставлялось для флота с уральских заводов, куда посылали для приемки офицеров.

Павел Захаво пристрастился к технике, вышел в отставку и начал работать на Урале. Здесь он познакомился с Львом Сабаккиным и специализировался на постройке станков.

В 1810 году перешел он на работу на Тульский завод. В 1811 году Алексей Сурнин умер, и Павел Захаво сменил его.

Наступило лето 1812 года. Уже созревала рожь. Войска Наполеона без объявления войны перешли нашу границу, так, как переходили они границы других стран.

Русская армия отступала сражаясь.

Разговаривая на разных языках, шла разномундирная армия французского императора.

Горел Смоленск, горели русские деревни.

Кутузов был назначен главнокомандующим и дал бой под Можайском, у села Бородино, там, где дорога из Смоленска на Москву проходит между крутыми берегами реки Москвы и реки Протвы.

Лев Фомич Сабаккин в это время работал на Ижевском заводе, делал ружья.

Ему было очень трудно. Станки работали водой, и запасов

воды в заводском пруде нехватало. Лев Фомич приказал насыпать плотину повыше, чтобы сберечь осеннюю воду.

Получал он в это время жалованья две тысячи в год, но брал себе на прожитие только пятьсот рублей — остальные отдавал на войну.

Больше всего боялся Лев Фомич того, что Наполеону удастся занять Тулу и у России останутся только уральские заводы и завод в Сестрорецке. Он берег воду для тульских станков.

В Туле в это время видны были ночью со стороны Подольска блестящие орудийные выстрелы.

Тула делала в месяц по тринадцати тысяч ружей. Почти в каждой горнице мастерового сваривали из полудосок ружейные стволы. Сверлили стволы и делали ружейные замки на заводе, на котором работали сто сорок четыре разнообразных станка.

В Туле уже мастер не держал резец: резец был закреплен в суппорте, и машина как будто сама обрабатывала ружейный ствол. Отдельные станки точили винты.

Для того чтобы сделать штык, рабочий заряжал станок сразу четырьмя заготовками, подымал груз, груз начинал спускаться, и приводимые грузом в движение наждачные колеса проиживали отверстия в штыковой шейке. Это уже были станки-автоматы.

В один из дней, когда на заводе шла горячая работа, Павел Дмитриевич Захаво, человек совсем еще не старый, смуглолицый, сохранивший в себе облик моряка, устало и недовольно шел за узкоплечим надменным генералом английской службы Вильсоном.

Красный мундир господина Вильсона показывался то в одном заводском корпусе, то в другом. Генерал внимательно смотрел, как работает сурнинский станок, обтачивая ружейные стволы.

Генерал остановился около штампа. Тяжелая баба по двум стержням, точно укрепленным в стальной плите, падала вниз, выбивая из стали части ружейного замка.

— Сколько весит? — спросил генерал.

— Сто двадцать пудов, — ответил Захаво.

— Приятно, что вы говорите по-английски.

— У нас во флоте многие знают языки, — ответил Захаво.

Вильсон переждал гул удара и спросил:

— Давно работает этот штамп?

— Шесть лет.

— Мы тоже давно применяем этот способ для выделывания пряжек к туфлям, — сказал генерал.

— Мелочь штамповать легче, — улыбнулся Захаво.

Вильсон вышел на улицу.

Уже желтел сад, но еще зелены были ивы, согнувшиеся над заводским прудом.

Генерал вошел в деревянный амбар, посмотрел на батишевские станки, сперва улыбнулся, потом стал внимательным. Дубовые колеса вращались спокойно и надежно; ружейные стволы как будто сами ползли тяжелым строем на сверла.

— Давно работает? — спросил он.

— Скоро сто лет, — ответил Захаво.

Англичанин вышел на улицу.

В приемной начальника завода генерала Воронова ему пришлось подождать. Вильсон посмотрел на стены.

— Сыро! — сказал он.

— Стронмся во время войны, — ответил Захаво.

— Если бы здесь были хотя бы два морских лейтенанта нашего флота...

— Что бы вы с ними делали, сэр?

— Мы бы распоряжались. Кстати, где господин Сурнин?

— Алексей Михайлович умер в прошлом году, — ответил Захаво.

— Это был замечательный мастер! Я думаю, что он многому научился у нас в Англии.

— Мне кажется, что и англичане могли бы поучиться на нашем заводе.

— Жаль, что нет Сурнина. Ему кланяется господин Леонтьев — он совсем теперь господин: женился, может быть фабрикантом будет. Только ваш Леонтьев чудак: сюда просится.

— В этом чудачества не вижу, господин генерал.

Вильсон помолчал.

— Я поговорю с генералом Вороновым. — И, не постучав, Вильсон открыл дверь.

Широкоплечий седой генерал сидел за столом, просматривая бумаги. Он поднял голову, но не встал.

— Генерал, — сказал Вильсон, входя и садясь, — у меня к вам есть дело.

Воронов молчал, но англичанин не смутился.

— Наполеон, — продолжал он, — будет отступать из Москвы, и разум подсказывает, что он пойдет на юг; значит, он пройдет через Тулу, и здесь все будет сожжено, как сожжена Москва... Вы женаты?

— Женат.

— Передайте вашей жене мой поклон и совет, чтобы она уезжала. Я уже отправил господина Луиса посмотреть дороги. Лучше всего вам будет ехать на Одессу: там чудный климат и мы вам привезем туда железо.

— В Одессе нет реки, господин генерал. Кто будет крутить станки?

— Значит, они постоят. А ружья вам пришлет Англия.

— Между нами и Наполеоном, — сказал Воронов, — русская армия.

— Русская армия, — возразил Вильсон, — отступает от Подольска. Я видел, как на реке Наре господин Ростопчин сжег свой роскошный дворец. Ваш завод надо вывезти.

— Разрешите при вас прочесть только что полученное предписание министра?

— Пожалуйста.

Воронов вскрыл пакет и начал читать, держа бумагу далеко от себя:

— «1. Коменданту Тульского оружейного завода, не останавливая работ, иметь верные сведения о движении неприятеля по направлению к Туле, дабы он при достоверном и уже необходимом случае, имея секретное предписание, остановя работу, взяв мастеровых и инструмент, следовал по тракту к Ижевскому заводу.

2. Распорядиться совместно с тульским губернатором о заготовлении для сего подвод, но различать действительные движения неприятеля от набегов мародеров, коих не допускать к распространению посредством ополчения...»

Обращаю ваше внимание, — продолжал начальник завода, — что решение о моменте отъезда возлагается на нас и направление дано на Ижевский завод.

— Я смотрел ваш завод, — сказал Вильсон. — Это прекрасный завод, но должен сказать, что вам нехватит воды для вращения такого количества станков. Говорят, вы задумали сделать полмиллиона ружей?

— Точнее сказать — шестьсот тысяч, — ответил Воронов.

— Мы можем вам прислать из Англии любое количество оружия на Кронштадт, так как мы обладаем морем.

— Тридцать тысяч ружей, вами присланных, — сказал Воронов, — некомплектны и без доделок не могут быть использованы нашей армией.

— О чем мы спорим? — сказал Вильсон. — Зимой у вас все равно нехватит воды. Везите ваши станки в Одессу, мы отвезем оборудование завода в Англию вместе с рабочими, а вы, генерал, были бы моим гостем в Англии. У меня хорошая охота!

— Я очень занят, ваше превосходительство, — ответил Воронов вставая, — и не уполномочен вести с вами переговоры о столь обширных предметах.

ГЛАВА 21-я,

в которой описывается, как генерал Воронов совещался с Павлом Заха­во и как механик поехал из Тулы к Кутузову в Тарутино

Воды действительно нехватит, — сказал Воронов, вызвав Заха­во, — а паровая машина, еще нашим Сурниным заказанная, застряла, дорогой мой, под Валдаем.

— Машину мы получить не успеем, — ответил Заха­во, — что же касается воды, то можно приказать казенную часть стволов не гранить, а оставлять круглой.

— Не форменно.

— Облегчение станкам, и воды пойдет меньше на десятую часть. Мельницы спустим в верховьях реки.

— Крику-то сколько будет: ведь сейчас самый помол.

— Военное время, — ответил Заха­во.

— А тут еще пики для казаков ковать, — встревожился Воронов. — Вот что: на сборы даю тебе полчаса, и едешь ты в Тарутино, к главнокомандующему.

Заха­во вышел на улицу. Вечерело. У Козловой засеки, в прогалине Ясной Поляны, в разрыве облаков, как горн, которому нехватило угля, угасало солнце.

По дороге ехали на косматых лошадях рослые казаки. Ехали казаки с песнями, но вооружены они были одними шашками: ни пик в руках, ни ружей за спиной у казаков не было.

Заха­во знал, что вооружение казаки должны получить в Туле.

В это время в Тарутине сидел за столом шестидесятилетний Кутузов. Это был человек, о котором утром и вечером думала вся Россия, о котором вспоминали ночью. Об этом человеке круглые сутки думал и Наполеон.

Кутузов сидел, все время помня о том, что Москва сгорела почти дотла и это произошло в результате его решения.

Как хитрил тогда барон Беннигсен — английский ставленник, как хотел он бросить русскую армию еще на один бой! Англия мечтает о нашем ослаблении. У России нет союзника. Только

русский народ может выиграть войну, только русские солдаты могли уйти из Москвы спокойными рядами, не сомневаясь в решении главнокомандующего. Но старость пришла к Кутузову. Люди, с которыми он начал жить, ушли из жизни вместе со славой, почестями, ошибками, чинами, ссорами. Он остался один. В молодости он был артиллеристом, славился как искусный фехтовальщик. Тридцать восемь лет тому назад пуля ослепила его на один глаз. Двадцать два года тому назад водил он колонну на приступ крепости Измаил — тогда Суворов сказал ему, что падение Измаила спасет Россию от войн с Англией: Англия любит нападать на слабых.

Вот он сидит, закрыв глаз рукою, слепой глаз: привычка молодости, когда он скрывал, что он крив.

Все были на военном совете против оставления Москвы, хотя защищать ее было нельзя. Ермолов, Дохтуров — все предлагали сражаться. Никто не разделил с ним ответственности. Он один решил.

Уже месяц Наполеон в Москве. Если он просидит там еще неделю, если подойдут новые полки, армия Наполеона погибла.

Кутузов посмотрел в окно. За окном закат, окна открыты, в дальних полках поют.

Солдаты и офицеры верят Кутузову. Все болеют за родину, но он один должен решать за всех.

Правильно ли он, Кутузов, решил, что французская армия, которая так хорошо сражалась под Бородином, уже накануне распада?

Сегодня, проезжая в коляске мимо шалашей тарутинского лагеря, видел он пленных французской армии. Какие пестрые мундиры: голубой гусар возле малинового улана, французский кирасир в крылатом шишаке возвышался возле тощего итальянского стрелка, голландец с презрением глядел на вестфальца. Им раздавали хлеб: одни принимали его как будто неохотно, но большинство завертывало ломоть хлеба в тряпку: во французской армии хлеб уже стал драгоценностью.

Неужели в Тарутине закатывается солнце Наполеона? Солнце Египта, солнце Аустерлица, которое император считал вечным на своем небе?

Солнце в небе раскидывало руки заката, как будто стараясь задержать себя еще на мгновение.

Прекрасный закат. Он не похож на зарево Москвы. Кутузову, ему, которому Москва так верила, никогда не увидеть мос-

ковских улиц такими, какими они были: не успеет она при нем построиться.

Кутузов думал о Наполеоне: вот тот, небось, тоже сидит за столом. Из какого московского окна он смотрит? Вероятно, состарился Бонапарт!.. Кажется, что все его мысли заняты были одной Москвой. Великий полководец забыл все правила военного искусства и от Смоленска выстрелил армией прямо в Москву. А Москва оказалась только зажигательным фокусом, который спалит его армию.

«Вот я сижу на фланге армии Наполеона, — думал Кутузов. — Октябрь... желтеют березы... Надо не тревожить Наполеона. Еще неделя... Не мороз погубит его, а бездействие, новые русские полки и отступление по старой дороге...»

Кутузов сидел за столом до утра.

Утро ободрило старого фельдмаршала: новых донесений нет. Наполеон еще в Москве. Он связан решением его, Кутузова.

Вошел казак, погасил свечи. Доложил:

— Тут, ваша светлость, человек приехал с Тульского завода, от генерала Воронова.

— Зови! — сказал Кутузов.

Вошел человек. Фельдмаршал окинул его взглядом.

— Из моряков? — спросил он.

— Так точно, мичман Павел Захаво. Вышел в отставку, занимаюсь механическим делом.

— Ты из каких Захаво?

— Из черниговских, ваша светлость.

— Теперь туляк? Скажи, туляк, вода в реке есть?

— Экономим, ваша светлость.

— Что в Туле говорят: какая будет зима?

— Мастера наши, ваша светлость, с ружьем любят баловаться, охотой занимаются, говорят, что, по шкуре зайца судя, зима будет не суровая, но нам, ваша светлость, большой зимы не надо: важно, чтобы французам греться было негде.

— Это так! Ты там как хочешь, а чтобы были пики, ружья казачьи, пистолеты седельные, и это все сверх тех тринадцати тысяч ружей, которые ваш завод делать должен. Слушай, мне Наполеона из России надо провожать со всей армией, окружив легкими войсками, чтобы он от дороги отойти не мог, даже переночевать. Надо французов гнать, как волков в облаве. Что там, в Туле, нужно, чтобы завод работал?

— Нам нужно, — ответил Захаво, — чтобы англичане не на-

жимали. Они норовят такой приказ добыть, чтобы наш завод разобрать, а разобрать Тульский завод нельзя, потому что будет в работе остановка.

— Я тебе скажу, а ты забудь, Захаво: ежели бы этот самый английский малый остров, великой корыстью нагруженный, потонул, я бы не охнул¹. Неверности союзников я боюсь. Цель же моя не только в том состоит, чтобы злодея изгнать из нашей страны, но и в том, чтобы ископать могилу врагу на нашей земле. В туляков я верю, как в каменную стену. Напишу письмо, какое надо. Ружья будут?

— Будут!

Кутузов пододвинул к себе листок голубой бумаги, посмотрел через нее на свет, улыбнулся на английское клеймо и сказал:

— Вот мы на английской бумаге напишем письмо, для англичан неприятное.

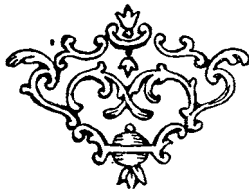
Кутузов писал:

«Сообразно принятой мною теперь операционной линии ваше превосходительство можете остановиться вывозить завод, ибо Тула не может опасаться неприятельского нападения».

Кутузов дописал, запечатал письмо, пометил адрес: «Генералу Воронову», и, передавая конверт Захаво, сказал:

— Обратите силы все к единому делу создания оружия, и это есть способ передать ваши имена потомству.

¹ Слова Кутузова, сказанные Беннигсену.

ЭПИЛОГ

Надо досказать еще, как жили остальные герои моей книги.

Налет полиции на квартиру Сурнина в Англии оказался не безрезультатным: токарный станок в Англии появился под именем мастера Генриха Модзеля. Суппорт, которым был закреплен резец, позволил выделывать части машины с небывалой для того времени точностью. На станках Модзеля вырабатывали детали машин Уатта.

Уатт узнал славу и богатство. Он жил долго в своем доме под кирпичной крышей, занимался слесарным и токарным мастерством и строил копировальные станки, похожие на станки Андрея Нартова.

Умер Уатт в 1819 году.

Алексей Сурнин умер раньше — в 1811 году. Чертежи станка, построенного им, были изданы Гамелем, причем изобретение было приписано англичанину Джонсону, и только в описании было упомянуто, что в Туле станок с резцом, закрепленным в суппорте, притом в суппорте, автоматически движущемся, существовал за много лет до того, как англичанин приехал управлять этим казенным заводом.

Лев Сабакин, как сообщала «Новая Санкт-Петербургская газета» № 82, умер в Перми 12 августа 1813 года. Похоронен Сабакин в Камско-Ижевском заводе.

Павел Захаво жил до 1839 года и создал еще много замечательных станков.

Граф Воронцов жил долго и умер в 1832 году.

Его похоронил отец Яков Смирнов, продолжительность жизни которого вызывает изумление.

В архиве Воронцовых сохранились письма о Сурнине, Лентеве и Сабакине, затерянные среди докладов, смет, жалоб, бахвальства и чванливости.

Н. С. Лесков в Туле и в Сестрорецке слышал что-то о том, что туляки-мастера ездили в Англию и о чем-то с англичанами.

спорили. Его сын рассказывал, что отец собирал сведения о туляках, ездивших за границу, но до документов не добрался. Он написал повесть «Левша» после крымского поражения, в годы народного горя, когда сказала наша техническая отсталость.

Н. С. Лесков перенес действие повести из времен Екатерины и начала царствования Александра на конец царствования Александра и царствование Николая Первого.

Вместо повести о технической удаче получилась повесть о полуграмотном мастеровом, который делает техническое чудо, но чудо бесполезное.

На самом деле русская техника отличалась именно тем, что она решала всегда самые важные вопросы, ставя перед собой такие задачи, от которых зависит изменение основ производства.

Память о Батищеве, Нартове, Сурнине, Захаво, Сабакине должна быть священна для каждого гражданина нашей страны.

Без знания их дела многое непонятно в великой истории нашего народа.

К о н е ц

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 4. Стольник — в древней Руси, до XVII века, придворный, рангом ниже боярина, назначавшийся из представителей знатных дворянских родов и занимавший высшие должности. Первоначально стольником назывался придворный, прислуживавший за княжеским или царским столом.

Епанча — старинный длинный и широкий плащ.

К стр. 6. Подьячий — в Московской Руси писец, делопроизводитель в приказной канцелярии (старинном учреждении).

К стр. 7. Палаш — прямая и длинная тяжелая сабля с широким лезвием.

К стр. 8. Засада — преграда из подрубленных деревьев.

Черносошный крестьянин — государственный крестьянин, платящий оброк в казну.

К стр. 9. Галера — крупное гребное судно; «галерным нутром» Батищев называет трюм галеры.

К стр. 16. Фужея — кремневое ружье.

К стр. 19. Суппорт — часть станка, служащая для укрепления инструмента, например резца в токарном станке.

К стр. 25. К у н с т к а м е р а — собрание разнородных редкостей: художественных, исторических, естественных, а также помещение для них.

К стр. 33. Н е г о ц и а н т — крупный торговец, преимущественно занимающийся торговлей с другими странами.

К стр. 36. К о н т р а к т — письменный договор.

К стр. 41. М а н у ф а к т у р а — капиталистическое промышленное предприятие, в котором производство ведется ручными орудиями при разделении труда.

К стр. 45. К о м м у н и к а ц и я — связь одного места с другим.

К стр. 46. С т и л е т — небольшой кинжал с трехгранным клинком.

К стр. 48. А к в е д у к — сооружение в виде моста, поддерживающее водопровод в лотке, трубе или канале. Строится, когда воду надо проводить через глубокие долины или овраги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1-я,

в которой солдат Ораниенбургского батальона Яков Батищев прибывает в Тулу; с этой главы начинается повесть, действие которой будет продолжаться сто лет 3

ГЛАВА 2-я,

в которой ефрейтор Яков Батищев берется сделать дело, для других немислимое 6

ГЛАВА 3-я,

в которой Яков Батищев рассказывает о том, как строил он корабли, сражался с турками, греб на галерах и бил шведа под Полтавой 8

ГЛАВА 4-я,

в которой рассказывается о работе и о спорах 11

ГЛАВА 5-я,

в которой рассказывается о том, как сержант понтонной роты Яков Батищев давал царскому токарю Андрею Нартову совет, и о том, как этот совет не был принят 18

ГЛАВА 6-я,	
в которой рассказывается о победе	23
ГЛАВА 7-я,	
действие которой начинается в 1785 году	25
ГЛАВА 8-я	
В этой главе рассказывается о том, что видел Лев Сабакин в Кронштадте	30
ГЛАВА 9-я,	
в которой русские мастера говорят о своих трудных делах . . .	34
ГЛАВА 10-я,	
в которой описывается Лондон конца XVIII века	41
ГЛАВА 11-я,	
в которой описывается путешествие Сабакина по дорогам Англии и приезд в Бирмингем	46
ГЛАВА 12-я,	
закрывающая в себе разговор с теми, кто подымается вверх . .	51
ГЛАВА 13-я,	
содержащая описание английского рудника конца XVIII века .	56
ГЛАВА 14-я,	
рассказывающая о беседе отца Якова Смирнова с тульскими мастерами	60
ГЛАВА 15-я,	
в которой рассказывается об одном решении, принятом в шот- ландском городе Эдинбурге	65

ГЛАВА 16-я,

рассказывающая о заседании Лунного общества в Бирмингеме. На заседании происходит спор о первенстве в изобретениях и в открытиях 71

ГЛАВА 17-я,

действие которой происходит через год после заседания Лунного общества В этой главе рассказывается о войнах и революции . 76

ГЛАВА 18-я,

в которой рассказывается об отъезде Сурнина и Сабакина на родину 79

ГЛАВА 19-я,

рассказывающая про Санкт-Петербург и механика Кулибина . . 83

ГЛАВА 20-я,

в которой кончается история Алексея Сурнина. Начинается история Павла Дмитриевича Захаво и продолжается повесть о создании русского токарного станка 87

ГЛАВА 21-я,

в которой описывается, как генерал Воронов совещался с Павлом Захаво и как механик поехал из Тулы к Кутузову в Тарутино 93

ЭПИЛОГ 97

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор **Н. Максимова.**

Художественный редактор **Г. Вебер.**

Технический редактор **И. Леканова.**

Корректоры

Е. Трушковская и Е. Вильтер.

Сдано в набор 6/І 1951 г. Подписано к печати 19/ІІІ 1951 г. Формат $60 \times 84\frac{1}{16} =$

$= 3,25$ бум. — 5,935 п. л. (5,35 уч.-изд. л.).

Тираж 30 000 экз. Заказ № 2011. А02955.

Цена 3 р. 40 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушевский вал, 49.

Цена 3 р. 40 к.